

Олег Кожевников

КОМАНДАРМ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Олег Кожевников

Командарм

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Кожевников О. А.

Командарм / О. А. Кожевников — «АСТ», 2017 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-982814-3

Июль 1941 года, идёт вторая неделя великой войны. Несмотря на то что несколько подразделений 7-й ПТАБр и 6-го мехкорпуса остановили, а затем обратили в бегство седьмую танковую дивизию вермахта, положение дел в Белостокском выступе не улучшилось. Наоборот, из выступа он превратился в Белостокский котёл. И такое положение было не только на этом, отдельно взятом участке фронта. Весь запад СССР горел огнём, и по существу происходило уничтожение Красной Армии. Вот в таких условиях комкор Юрий Черкасов был назначен командующим 10-й армии и взял всю ответственность за катастрофическое положение дел в Белостокском выступе на себя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-982814-3

© Кожевников О. А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Кожевников

Будущее в тебе: Командарм

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 116

Оформление *Владимира Гуркова*

Глава 1

Ставшее уже привычным басовитое урчание двигателя «хеншеля» начало убаюкивать мой мозг. Этот трофейный трёхосник стал настоящим домом, штабом, да много чем, не только для меня, но и для Шерхана, Якута, красноармейца Лисицына и ещё трёх бойцов. Иногда вся эта наша гоп-компания вызывала у меня внутренний гомерический хохот. Ещё бы – формально старший сержант Асаенов (боевой позывной Шерхан) персональный водитель командира шестого мехкорпуса генерал-майора Черкасова, то есть меня, а на самом деле этот хитрющий татарин обучил водительскому ремеслу молодого красноармейца Лисицына и спихнул на салагу свои обязанности. После чего спокойно дрых в кузове во время перемещений по фронтовым дорогам Белостокского выступа. И не просто отсыпался после напряжённой боевой работы, а наверняка потреблял в тёплой компании генеральские харчи – вернее, то, что раздобыл у штабных интендантов, прикрываясь моим именем. А тёплая компания у него была знатная: во-первых, это его старый друг, ещё с Финской войны, сержант Кирюшкин (боевой позывной Якут), по внешнему виду которого и не подумаешь, что этот скромный тихий человек может сделать кому-нибудь плохо. Однако Якут уничтожил столько врагов, что их могилами можно было заполнить довольно большое кладбище. Снайпер и следопыт Кирюшкин был великолепный, и я верил его словам, что до призыва в армию он был лучший охотник-промысловик в своём районе. А район, в котором сержант проживал до призыва в армию, по площади побольше, чем какая-нибудь Швейцария. Правда, расположен был в Восточной Сибири, а население имел меньше, чем проживало в одном кантоне этой не маленькой европейской страны. И почти тридцать процентов жителей сибирской Швейцарии принадлежало к той же малой народности, что и Якут. Оленевод, как его в шутку обзывал Шерхан, всё грозился пулями навести маникюр пальцам своего приятеля. Как бы намекая этим, что тому пора не зубоскалить, а заняться своим внешним видом – хотя бы постричь свои ногти, напоминающие когти хищника.

Вот примерно так эти мои боевые братья, ещё со времён Финской войны, пикировались в свободное от боёв, сна, перекусов и передачи опыта другим бойцам время. А если прямо сказать, свободного времени после 22 июня практически не было. Вот и сейчас, несмотря на мои предположения о том, что подальше от глаз командира в кузове ребята сладко дрыхнут (объевшись трофейными продуктами), присутствует и мысль, что, может быть, всё это и не так. Что они настолько правильные бойцы, что более опытные Шерхан и Якут обучают молодёжь, как сподручнее давить фашистов, а трое из ларца всему этому внимают, становясь всё опытнее и опытнее. Не зря же трое земляков-рязанцев буквально на моих глазах превратились из беспомощных щенков в настоящих волкодавов – бойцов, способных сразиться с самыми подготовленными немецкими диверсантами. Конечно, чувствуется подготовка в роте, работа теперь уже капитана Курочкина (боевой позывной Ряба). Это ещё один мой боевой брат по Финской войне, ставший там комвзвода в роте, которой я командовал. После призыва рязанцы проходили обучение в батальоне Рябы, однако и то, что умеют Шерхан или Якут, в их боевых навыках тоже присутствует. Хорошие бойцы получились из этих парней – вполне можно доверить им прикрывать свою спину в любой заварушке.

«Хм... трое из ларца», – внутренне усмехнулся я. Хотя и в полусне, но характеризовал я этих ребят верно. Похожие друг на друга, они появлялись неожиданно из крытого брезентом кузова «хеншеля» и быстро решали возникшие проблемы. Кого нужно арестовывали (это когда требовалось навести порядок в дивизиях 6-го мехкорпуса), а при встречах с немцами раздавали тем тумаки, и неслабые (как это было при захвате участка железной дороги на польской территории вблизи города Сокулки). Этим они для меня и ассоциировались со сказочными персонажами, а ещё тем, что были земляками и все призывались из Рязанской области, пускай из разных районов, но повадки и характеры у них были похожие. По этим ребятам становилось

понятно, почему Россия стала независимой, и никто её не мог покорить. Попробуй покори таких орлов – их можно только убить, но заставить, чтобы чужеземец диктовал свою волю, это было невозможно. Свой – да, свой мог гнуть их в бараний рог, и они это терпели, правда, матеря его между собой. Вот, например, как Рябу – как он их только ни дрочил, воспитывая из парней настоящих бойцов, а ненависти у ребят к нему не было, только уважение заработал своей требовательностью. А я это знаю – сам как-то случайно подслушал их разговор о жизни в армии и о дальнейших планах. Если бы это слышал какой-нибудь комиссар, то мотать ребятам срок за антисоветчину где-нибудь за Полярным кругом. Ну а для меня главное был патриотизм ребят, а на идеологию мне было глубоко наплевать. Не любят коммунистов, ну и чёрт с ними. Главное, жизни готовы отдать за свою большую и малую родину.

Мысль о комиссарах резко изменила настрой. Благодушные и слегка ироничные мысли о ребятах, располагающихся сейчас в кузове, сменились тоской о погибшем друге, бывшем как раз комиссаром 681-го артполка, Осипе Шапиро. Да, мой старый дружище погиб. И не банально, как сейчас погибало множество людей – шальная пуля, осколок бомбы или снаряда, а героически, пожертвовав собой ради нашей победы. Вызвал огонь артиллерии на себя, когда держать позиции не было никакой возможности. Он лично упросил меня отдать приказ перенести артиллерийский огонь по позициям дивизиона, которым в тот момент командовал. А последствия огня целого полка 152-мм гаубиц ужасны – всё живое и не живое тоже в районе падения тяжёлого снаряда переставало существовать. А по позициям дивизиона, над которым взял командование Ося, гвоздило 48 гаубиц. После боя я лично посетил позиции героического артдивизиона – была робкая надежда, что Ося, пускай раненый или контуженый, но всё-таки найдётся. Но после нескольких минут карабканья по многочисленным воронкам, на дне которых всё ещё присутствовали лужицы крови, а в вырванной земле проглядывали фрагменты человеческих тел, одетых не в нашу форму, все мои надежды умерли.

Невозможно было уцелеть в такой мясорубке. И отозвав ребят, тоже занятых бесполезными поисками, направился на позиции штабной батареи. Вот там усилия оказались не напрасны – удалось отыскать троих наших тяжелораненых и одного контуженого. Про немцев я и не говорю, их было гораздо больше. Но с ними было проще – пнул тело в чужой форме, и если оно начинало подавать признаки жизни, то оттащил на ровную площадку недалеко от сгоревших КВ под присмотр радистов, один из которых исполнял роль санитаря, а второй охранника и одновременно занимался рацией – был, как говорится, на связи. А причина грубого обращения с ранеными немцами была очень проста – эти сволочи в упор добивали наших раненых. Вот и причина, почему их было найдено так мало, хотя позиции штабной батареи никто не забрасывал крупнокалиберными снарядами. С нашими ребятами мы обращались совсем по-другому. Если повезло и прощупывался пульс в районе сонной артерии, то тут же к найденному герою подбегали минимум двое и, конечно, Шерхан, который обрабатывал обнаруженное ранение, а затем со всевозможными предосторожностями бойца переносили на носилках к «хеншелю». Вот там раненым начинал заниматься Якут, который, что-то приговаривая, разматывал наложенную Шерханом лёгкую повязку, а затем посыпал открытую рану каким-то зеленоватым порошком из своих запасов. Шаманил, одним словом. Что интересно, после его манипуляций тяжелораненый спокойно засыпал.

Только один раз Якуту не удалось использовать свой чудо-порошок – открытых ран на пациенте не было. Да и пришёл он к «хеншелю» на своих ногах, только поддерживаемый красноармейцем Тюриным (одним из рязанцев). Хотя на человеке была командирская форма, но сразу я его не узнал. Ещё бы – вся форма и лицо были измазаны землёй, а глаза стали красные от лопнувших в белках кровеносных сосудов. Но, даже не узнав, я всё равно обнял этого парня, а затем, собственноручно смочив носовой платок, начал обтирать лицо герою. Лучше бы я этого не делал, измазанное землёй оно выглядело менее страшным, а когда вода смыла землю, то такие лица мало видели даже опытные врачи-травматологи. Сплошной вздувшийся

кровоточащий синяк, а не лицо человека. От открывшегося зрелища меня передёрнуло, и от неожиданности я выронил фляжку.

Наверное, действия по поднятию фляжки с земли очистили мозг от шелухи, связанной с внешностью командира, добравшегося до «хеншеля». Наконец-то я его узнал, это был старший лейтенант Сытин, практически перед самой атакой немцев назначенный мною формировать миномётный дивизион из трофейной матчасти. Он был опытный миномётчик, до войны служил в учебном миномётном дивизионе. После начала немецких бомбардировок и гибели всего руководства учебного дивизиона, не поддавшись панике, сумел навести порядок среди выживших курсантов и преподавателей и во главе получившегося подразделения начал выдвигаться к Белостоку. Цель Сытина была добраться до штаба 10-й армии и уже от старших командиров получить приказ на дальнейшие действия. Вот во время этого движения подразделение, сохранившее дисциплину, было встречено моим комиссаром, который согласно приказу направлялся в Сокулки. Надо знать моего комиссара, чтобы понять, что мимо такого подарка, как бесхозная боеспособная часть, он не проедет. Объяснив Сытину, что штаба 10-й армии в Белостоке уже давно нет, и вообще чёрт знает, где этот штаб сейчас находится, Фролов переподчинил это подразделение штабу 7-й ПТАБр. Сначала хотел использовать этот подарок судьбы как пехотное прикрытие штабной батареи, но потом появился я с целой кучей трофейных миномётов и боеприпасов к ним. И естественно, после доклада Фролова я посчитал неразумным использовать обученных специалистов как пехоту. И приказал начинать формировать отдельный миномётный дивизион, подчиняющийся непосредственно штабу 6-го мехкорпуса. Идея была правильная, но вот немцы не дали её исполнить, впрочем, как и много других нужных вещей. О силе и стремительности их удара я даже и помыслить не мог. Да никто не мог! Вот Сытин и попал под эту раздачу больших звездюлей. Ещё повезло парню, что жив остался.

Я попытался ободрить старшего лейтенанта. Начал говорить, что ребята погибли не зря, что мы всё-таки наkostenяли немчуре. Но Сытин всё так же продолжал стоять с выпученными глазами, не понимая, что я говорю. Только когда я обнял его, он что-то невнятное промычал, а из глаз начали ручейками течь слёзы. Я в сердцах схватил его за руку и почему-то шёпотом произнёс:

– Да всё я понимаю, старлей! Но не бойсь – прорвемся! А что тяжело контузило, то это не беда – теперь нас двое таких!

После этих слов я подвёл Сытина к Якуту, который, видя, во что превратилось лицо старшего лейтенанта, отложил баночку с порошком и достал из своего сидора большую банку с уже знакомой мне мазью. Сегодня утром я у него спрашивал, какие такие чудодейственные вещества входят в ту замечательную мазь, после применения которой сильно обожженный в ночном бою Шерхан утром был как огурчик. Из объяснений для меня были знакомы только слова – медвежий жир, тёртый корень женьшеня, мумиё, остальные названия могли понять только его земляки, да и то не все.

Оставив Сытина на попечение Якута, я направился к радистам – наступало время связи с капитаном Рекуновым, мотострелковый батальон которого, вместе с «ханомагами» лейтенанта Костина и танками КВ, преследовал отступающих гитлеровцев.

Вот именно... мои ребята преследовали хваленую 7-ю танковую дивизию вермахта. Как шавок гнали лучших солдат Германии. Наверное, первый раз в славной истории этой дивизии она была остановлена более слабым противником, и потом, получив по носу, её солдаты запаниковали и бросились удирать, спасая свои никчёмные жизни. Элемент неожиданности сработал – никак не думали гитлеровцы, что их будут убивать с воздуха. Черных сработал на отлично – даже меня ошеломил. А ещё, конечно, майор Половцев. Он и его ребята вообще совершили немыслимое – дерзкий рейд по тылам гитлеровцев был как удар грома в тихую январскую ночь. И целью этого рейда были аэродромы люфтваффе. Житья совсем не стало от

немецкой авиации, даже походную кухню невозможно было перевезти, чтобы не попасть под удар какой-нибудь летающей нечисти.

Шерхан ругался страшно и, в запале грозя кулаком пролетающему «мессеру», выкрикнул:

– Сука, ну подожди, доберусь до тебя! Какой-нибудь брошенный броневик раздобуду и прокачусь до твоего аэродрома. Вот там уж повеселюсь, покатаюсь по вашим жопам, пока говно не начнёт бить из хлебальников долбанных арийских асов!

Я был с ним полностью солидарен, но у меня, кроме эмоций, была голова на плечах, петлички подполковника и, самое главное, мой новый резерв – остатки двадцать пятой танковой дивизии под командованием майора Половцева. В момент эмоционального взрыва Шерхана в моей голове всё сложилось. А когда добрался до базового аэродрома 11-й САД, а её командир генерал Черных начал сокрушаться о громадных потерях истребительной авиации, меня тоже понесло. Но не с точки зрения летуна, а жертвы, которую уже заклевали воздушные сволочи. На его стенания я проорал в ответ:

– Тебе тяжело, а нас скоро будут уже дерьмом забрасывать, пока доблестные ВВС, не имея самолётов, сидят на гигантских запасах топлива и боеприпасов. Вон у меня семнадцать танков и больше двадцати броневиков стоят, не имея бензина, снарядов и патронов к пулёмётам. Да если их этим снабдить, то они раскатают аэродромы люфтваффе за милую душу. Сам знаешь, какой сейчас фронт рыхлый – кати куда хочешь, если, конечно, ты на броне и пушка заряжена. У немцев сплошного фронта нет и бардак не хуже, чем у нас. Пока до командования вермахта дойдёт, что русские проникли на их территорию, мы уже несколько аэродромов превратим в склады металлолома. И всё, нет на нашем участке немецкого воздушного господства.

Почувствовав, что Черных начинает прогибаться, я усилил нажим, сделав основной упор на то, что сама его дивизия начнёт летать. Перед этим генерал говорил, что многие лётчики со сбитых самолётов выжили, воспользовавшись парашютами, и дивизии, чтобы снова стать боеспособной, просто нужна новая техника. Сдуру, как человек, уже несколько раз использующий трофейные автомобили, я заявил:

– Если сможешь организовать этот рейд, то с захваченных аэродромов твои летуны перегонят хорошие немецкие самолёты, и не нужно будет ждать милости Госплана, который сейчас вряд ли выделит тебе новую технику. Сам знаешь, какое сейчас положение с самолётами в ВВС, если даже у тебя округ вытребовал эскадрилью истребителей для защиты Минска.

Когда я это говорил, то понял, что несу чушь. Самолёты-то это не автомобили, и без дополнительного обучения лётчик, привыкший к нашим самолётам, на иностранных летать не сможет, по крайней мере хорошо. Я же слышал, что лётчикам приходится переучиваться, если они получают самолёт того же типа, но разработанный в другом КБ. И это техника, произведённая в одной стране.

Как ни странно, Черных не обозвал меня дилетантом, ничего не понимающим в самолётах. Наоборот, он ухватился за моё безумное предложение. Это уже потом я узнал, что, оказывается, все его лётчики-истребители прошли курсы по управлению «Мессершмиттом-109» и даже налетали на них по несколько часов. Были в дивизии два учебных самолёта этого типа. А всё почему? Да потому что дружили мы раньше с Германией, и какому-то деятелю из министерства обороны очень захотелось закупить эти истребители. Вот в 9-й САД и начали изучать эти машины. Конечно, Германия не продала нам самолёты, но знания-то у людей остались.

Можно сказать, этот разговор и стал первопричиной рейда Половцева. Черных выделил ресурсы и людей, Половцев вложил в это дело душу и свой опыт, ну а я, вернее мой корпус, получается, явился благоприобретателем усилий этих людей. Надо смотреть на вещи реально – если бы не было воздушного налёта на почти размазавших нас немцев, то никакой победы бы не было. После такого вывода на меня накатило самобичевание. Как обычно, когда долго размышлял, начинал чувствовать себя человеком не на своём месте. Который делает всё не

так, непродуманно и в общем-то дилетантски. И мой внутренний голос, вернее сущность моего деда, начал вещать, и ощущение было, как будто я веду беседу с каким-то сторонним, очень ехидным собеседником.

– Слушай, парень, поумерь свои амбиции, никакой Черкасов не великий стратег, и как бы ни пыжился, но историю делаешь не ты, а люди этой реальности. А то ишь, возомнил, что Всевышний наделил тебя сверхталантами, чтобы именно ты изменил историю. Вспомни, какое чмо ты был в своей реальности. Паршивый экс и то ваша компания исполнить чисто не смогла. Обычные бюргеры вас вычислили и, в общем-то, прикончили. Только тебя, дурака, почему-то перебросило в эту реальность, И что, от этого ты стал умней? Злей, может быть, но умней вряд ли. Прислушиваться надо к словам умных людей, а не считать себя святее папы римского. Что ты везде лезешь, пытаешься всюду успеть. Вспомни, что тебе говорили Черных, Пителин, даже твой друг Шапиро.

Я сразу же попытался вспомнить, что же такое умное и полезное для моего развития говорили эти люди. Но память начала выдавать столько информации, что я практически сразу же и запутался. Можно считать большинство высказываний таких людей, как Черных или Пителин, умными и полезными для меня. Что касается Оси, то не могу признать любую его мысль умной. Поэтому нужно порыться в его грамотных в моём понимании суждениях и посмотреть, как они совпадают с высказываниями Пителина и Черных. Думай, голова, думай! Так все-таки, на какое же из высказываний нужно обратить особое внимание? Ничего не получалось, не шла разгадка этого ребуса. Но на самом деле все загадки и поиски ответа на них происходили в одной голове. Пускай в ней и присутствовала какая-то частичка сущности деда, но главной всё-таки была моя, перенесённая туда из кошмарной реальности, где эту войну выиграли немцы. В моей реальности деда убил финский снайпер, а в этой он за мгновение до попадания пули потерял сознание, пошатнулся, и смерть миновала, теперь это наше общее тело. Вернее моё, ведь от деда остались только некоторые воспоминания, навыки и мерзкое брюзжание, достоящее иногда до самой печёнки.

Вот и сейчас, вместо того чтобы дать поспать после тяжелейшего боя, затеял свои любимые психологические игрища. Я мысленно выругался матом и уже спокойнее обратился к внутреннему зануде:

– Не буду решать твои долбанные шарады, говори давай, к каким таким словам мне нужно прислушиваться.

Как обычно, на прямой приказ основной сущности моя занудная часть вроде горестно вздохнула, а затем выдала:

– Помнишь, когда последний раз видел Осю, чуть ли не половину этой встречи вы прождали, как два дауна?

– Это когда он заметил, что у меня штаны не генеральские?

– Да, вот именно перед самым боем.

– Ну и что такого? Может быть, мы этим смехом тревогу успокаивали. Или, по-твоему, идти умирать нужно с постными, трагическими лицами?

– Не в смехе дело, а в том, что тогда тебе Ося сказал одну очень правильную вещь.

– Какую? Что я на генерала не похож?

– Да, когда объяснял, почему ты не похож на крупного военачальника. Ведёшь себя как ротный – лично ставишь задачи сержантам и мелким подразделениям. Бегаешь практически по передовой с автоматом и гранатами, как будто бравируешь готовностью умереть за родину. Об этом же тебе твердит Пителин, да и Черных намекает, что генерал прежде всего должен думать головой. Ты же много воевал, прошёл разные ступени командования, в военной академии учился, и, пройдя эти этапы жизненного пути, должен понять, что командир твоего ранга не имеет права подвергать свою жизнь опасности.

– Ты что же, тоже думаешь, что я должен сидеть в штабе, а войсками руководить посредством делегатов связи? По другому-то связаться с подразделениями не получится – проводная связь повсеместно повреждена, радиоэфир засорён до такой степени, что мощнейшая радиостанция РАТ (которая установлена на бронепоезде) не всегда может его пробить, не говоря уже о менее мощных станциях.

– Ну, в общем-то да. Считаю, что нужно прекратить вести себя как сосунку и плакаться, что военный гений Пителин находится далеко от тебя.

– Да, дедуль... – туп ты до невообразимости! Мы же видим всё одними глазами, слышим одинаково, информацию ты имеешь такую же, что и я, и всё никак в ситуацию не въехал! Тебе пример Болдина или командарма-10 Виноградова ни о чём не говорит? Они опытные и грамотные военачальники, действовали ровно, так, как ты предлагаешь, и каков результат? Да никакого – всё просрали! А причина проста – люди! Во всех задумках этих генералов, да, в общем-то, и многих других, подчиненные это просто функция, ходячие носители своих должностных инструкций. Все их планы и действия выполнимы только в идеальных условиях, которые описываются в изученных ими книгах. В реальных условиях люди боятся, паникуют, теряются от быстро меняющейся ситуации. Соответственно ведут себя не так, как им предписано свыше. К тому же многие фигуры выбывают (просто-напросто их убивают), и это ещё больше вносит путаницу в разработанные планы действий. К тому же враг не дремлет и всячески способствует, чтобы бумагу, на которых увековечены эти планы, можно было использовать только в сортирах, вытирая грязные задницы победителей. Вот мои, казалось бы, малоответственные действия и направлены на то, чтобы сбить у наших бойцов чувство ничтожности своей персоны.

– Что, разве твоё шатание по передовой повышает боевую выучку красноармейцев и командиров?

– Ещё как повышает! Сам посуди – если твой генерал находится в окопах чуть позади, то ты всё сделаешь, чтобы не допустить врага до его окопа. Знаешь, тебе доверяют и надеются, что ты выступишь. Даже плохо обученные бойцы мобилизуются и показывают чудеса стойкости. Сейчас, когда всё валится, такое поведение просто необходимо. Люди всё понимают и чувствуют, что в любой момент может произойти обвал, но генерал-то не паникует, не бежит в тыл и, не прикрываясь охраной, толкает речь о патриотизме, а, обвешавшись оружием, сам готов напрямую вступить в бой с фашистами. Болдин или, допустим, Виноградов этого не почувствовали, не стали вести себя, как простые русские мужики, вот поэтому мы в такой заднице. Ну, они ладно, всё-таки всю жизнь находились, можно сказать, в академической среде, а вот маршал Кулик непонятно себя повёл. Всё-таки он прошёл горнило Испанской войны и вполне, по своим данным, мог объединить и повести за собой народ, но позорно спрятал свои маршальские причиндалы в лесу и бежал подальше от начинающегося образовываться Белостокского котла. Наверное, следуя твоей логике, посчитал, что в штабе он сделает больше, чем непосредственно в боевых порядках, организовывая оборону против захватчиков. Но думаю, что эта логика ущербна и порочна, следуя ей, мы точно окажемся в районе Уральского хребта. Правда, пока есть ещё в Москве Сталин, который, думаю, тоже эту логику не приемлет. Накрутит хвосты таким генералам и маршалам, и они насмерть встанут вокруг Москвы. Как в гражданскую поступали настоящие коммунисты. Лично поднимать в атаку полки и дивизии. А то не дай бог попадут за своё бездействие на зуб хозяину. Но этот страшный сценарий чреват миллионами жизней, так что лучше здесь под Белостоком генерал Черкасов немного покурю-лесит. Ты же знаешь, в той реальности меня готовили к борьбе с немцами в самой безнадежной ситуации – школа сопротивления (эскадрон) это тебе не хухры-мухры.

– Эскадрон это считай диверсионная школа, а тут нужно вести широкомасштабные боевые действия с регулярными частями вермахта. А единичными диверсиями и нападениями

из-за угла территорию не удержишь и немцев не остановишь. Нужны войсковые операции, а значит, штабная работа, снабжение и грамотное планирование.

– Правильно, но на это есть Пителин (гений штабной работы), Бульба (снабженец от Бога) и Бедин (самородок по организации службы тыла). А если привлечь ещё для разведки Рябу и его ребят, а в службу контрразведки и противодействия диверсиям Лыкова, то такому управлению корпуса цены не будет. Представляешь, какая гремучая смесь получится – скороспелый генерал с авантурными замашками во главе и такие уникальные специалисты на подтанцовке? Да мы всю группу армий «Центр» на уши поставим.

В ответ в моём подсознании раздалось только хмыканье, и наступила тишина. Просто какое-то блаженное спокойствие, когда не грызут мозг, и сознание спокойно баюкается равномерным покачиванием мягкого сиденья «хеншеля». После недавней окопной нервотрёпки, как в люльке, ей-богу. Уставший мозг начал постепенно отключаться, дольше всех в воспалённом сознании продержалась сцена разговора с героями дня – капитаном Рекуновым и лейтенантом Костиным. С ними я разбирал перипетии и, самое главное, итоги нашего столь стремительного и неожиданного контрудара по немцам. А ещё память анализировала последний разговор по рации с командиром 7-й танковой дивизии генералом Борзиловым. Всё пытался доказать себе, что я отдал верный приказ, после того как мы сначала тормознули, а затем отбросили немцев. Железную необходимость этого моего, в общем-то, авантурного замысла и соответственно приказа я так для себя и не доказал. Не успел – мозг всё-таки не выдержал запредельной нагрузки и просто отключился, уйдя в нирвану довоенной жизни. И опять рядом была Ниночка и воспоминания о том, как мы в магазине загружали большой мешок из-под сахара разными вкусностями. И какое счастье я испытывал, глядя в её сияющие глаза.

Глава 2

Прекращение басовитого урчания двигателя «хеншеля» – вот что прервало мой беспокойный сон. Открыв глаза, я не увидел в кабине Лисицына, а только приоткрытая дверь со стороны водителя говорила о том, что он не загадочным образом бесследно исчез, а просто выбрался из кабины на улицу, предварительно заглушив автомобиль. Гадать, зачем он это сделал, мне не пришлось – матерные выражения, донёсшиеся со стороны открытой двери, всё объясняли. Пробило переднее колесо. И ругался не Синицын, а Языков (самый скандальный из рязанской тройки) и винил во всём водителя. Мол, тот нарушил приказание самого генерала – двигаться след в след за «ханомогом» на расстоянии семи-десяти метров. А долбаный Синицын съехал с колеи бронетранспортёра на целых тридцать сантиметров. До этого я внутренне усмехался, но услышав про сантиметры, чуть не расхохотался во все горло. Только силой воли себя сдержал. Если бы рассмеялся, то пришлось бы вступать в диалог с ребятами и не дай бог покинуть своё мягкое, ставшее уже родным сиденье. Вместо этого с интересом стал вслушиваться в базар подчиненных, а их рядом со злополучным колесом собралось уже довольно много и не только из кузова «хеншеля». Я услышал и вопросительный возглас лейтенанта Костина. Ему что-то ответил Шерхан, и после этого базар как-то утих, зато стали слышны звуки работы по замене пробитого колеса.

На улице было ещё темно, а значит, можно особо не беспокоиться из-за незапланированной задержки в движении нашей колонны. Да в общем-то после такой встряски люфтваффе несколько дней вряд ли будет особо надоедать. Пока подтянут резервы, залижут нанесённые ребятами Черных и Половцева раны, можно двигаться и в светлое время. Так говорила моя логика, но очко-то не железное, поэтому от греха подальше и тронулись в 22–30. Я глянул на свои часы – ага, сейчас 1-43, похоже, окраины Белостока уже проехали, и до места назначения осталось совсем немного.

Пункт назначения был хорошо известен большинству бойцов и командиров нашего сводного отряда. Ещё бы, ведь это был городок Хорощ, в окрестностях которого совсем недавно (до войны) дислоцировались подразделения 7-й танковой дивизии. Такая рокировка и есть пример превратности жизни военного – испытай массу трудностей и пролив море крови, сделать круг и вернуться обратно в то место, где всё началось, чтобы снова кинуться в омут неизвестности. А это сделать придётся, успокаиваться и расслабляться нельзя – только наступление даёт шанс выжить. Вот, согласно моей наглой и сумасшедшей идее о наступлении на Варшаву, между Хорощем и Сурожем по западному берегу реки Нарев и происходило сосредоточение ударного кулака. Безумной эта идея могла показаться только фонам и геррам, а значит, по моему мнению, немцы не ожидают этого, и мы имеем хоть небольшой, но шанс добиться успеха.

Конечно, как человек, закончивший военную академию, я понимал нелепость любого плана наступления – армия находилась в плачевном состоянии. Инфраструктура разрушена, людские потери кошмарные, убыль техники колоссальная, централизованного снабжения просто нет, о связи или, там, воздушном прикрытии даже говорить не приходится. Но делать-то нечего, спасать Россию надо, и кто, кроме нас, это сможет сделать? Половцев показал, чего можно добиться нетривиальными действиями. Его пример укрепил моё решение наступать, несмотря ни на что. Пусть невероятно трудно, пускай красноармейцы и командиры плохо подготовлены, но ждать манны небесной в виде свежих дивизий и сталинских соколов нельзя. И моя прежняя реальность подтверждение этому. Там после первых немецких ударов армия тоже была дезорганизована и понесла большие потери. И надежда у людей оставалась только на получение ресурсов и пополнение в тылу. А значит, отступать до воссоединения с основными силами Красной Армии. Что из этого получилось, я знаю. И не хочу многомиллионных жертв

моего народа. «Безумству храбрых поём мы песню» – так писал Горький. Вот и я хотел, чтобы русский народ спел о нас, о своих героях.

Но героями мы могли стать, только если задуманная мной авантюра закончится хотя бы частичным успехом. Если будет провал, то никакие мы не герои, а неудачники – люди, у которых снесло крышу от отчаяния и бессилия перед военной мощью Германии. Так будут говорить историки через много лет после начала этой войны. А теперь я думаю, что историки в России будут – для Германии действия моей бригады и шестого мехкорпуса не прошли даром. Шутка ли – уничтожили 47-й моторизованный корпус немцев и 3-ю танковую дивизию Моделя, а также весьма сильно надрали хвост 7-й танковой дивизии. Да так надрали, что эта мощнейшая дивизия вермахта теперь длительное время будет небоеспособна и в дальнейшем вряд ли наберёт прежнюю силу – таких обученных, храбрых и опытных солдат, которых мы уничтожили, немцам взять будет больше нигде.

Это я себя так успокаивал, чтобы хоть немного унять тревогу и боязнь перед немцами. Вояки они хорошие и вполне могли нам устроить «козью морду». Отыграть за предыдущие свои неудачи. Я всё гадал, какую тактику выберут немецкие генералы после нашего удара – тактику прямой или не прямой защиты. Прямая означает занятие границы области обороны для защиты всей ее территории. Такого рода защита предполагает отказ от построения шверпунктов, ведет к равномерному распределению сил и дает нам возможность прорвать оборону в любой точке и, особо не беспокоясь, двигаться на Варшаву. Непрямая защита предполагает в глубине позиции накопить «массу», которая может быть оперативно использована, чтобы нейтрализовать прорыв. Правда, в таком случае немцам нужно считаться с временной потерей территории. Вот эта тактика будет для нас весьма опасна, так как резервов нет и выставить достойные силы, для ликвидации или блокировки этих опорных пунктов, не представляется возможным.

Вот если бы в немецких штабах сидели наши генералы, то я не сомневаюсь, они проводили бы в жизнь тактику прямой защиты, а вот как немецкие штабисты обучены, даже и не знаю. Ну ладно, будем предполагать худшее, что немцы хорошо обучены и будут действовать тактикой не прямой защиты. Соответственно нужно действовать нестандартно – нелинейно, так сказать. Обтекать опорные пункты противника и двигаться вперед, не обращать внимания на тылы. Да, в общем-то, что на это обращать внимание, как сообщил Пителин в последнем сеансе связи, к позициям Осипова вышли немцы, так что мы и так в «котле». А большой он или маленький, какая к чёрту разница. Так что нет у нас тылов, и теперь нужно жить по принципу – всё своё ношу с собой. Вот и нужно везти с собой сколько удастся топлива и боеприпасов. И вообще переходить на немецкое снабжение – думаю, в районе Варшавы перебоев с ним не будет. Единственная во всём этом проблема это раненые. Их, конечно, не бросишь, значит, нужно предусмотреть транспорт, чтобы везти их с собой. В районе Варшавы, думаю, с их обустройством и лечением будет легче – помогут польские союзники.

А ещё меня очень беспокоила разведка. Конечно, разведчики обеих дивизий, сосредоточенных в районе Хороща, проводили положенные мероприятия, но я всем предоставляемым ими данным мало доверял. Предубеждение у меня было к корпусным структурам разведки, к её командирам, впрочем, как и службе контрразведки. И этому было две причины: во-первых, это данные, поступающие от разведчиков в начале вторжения немцев – надо же, как они искали несуществующую вражескую танковую дивизию, разгуливающую по Белостокской области. Что самое смешное, находили признаки этого; а второе это результаты нашей контратаки на 7-ю танковую дивизию немцев. Да, кроме сотен уничтоженных врагов, массы трофеев, включая десятки автотранспортных средств, пять артиллерийских тягачей и три автоцистерны с топливом, были захвачены и пленные, обладающие очень ценной информацией.

При допросе один из плененных, занимавший большую должность в штабе, а именно заместителя начальника штаба, дал показания об эффективности немецкой пропаганды. В качестве

примера он рассказал, как сдался советский командир, предъявив пропуск-листовку, миллионными экземпляров разбрасываемых с немецких самолётов. И таких людей было много. Поэтому у командного состава дивизии было полное убеждение, что Красная Армия совсем разложилась, и они никак не ожидали встретить такое организованное сопротивление. Яростно сражающиеся фанатики, конечно, встречались, но это были эпизоды, и никогда они не взаимодействовали с артиллерией и авиацией. Но дело не в этом, а в том, что этот добровольно сдавшийся русский, который сообщил ценную информацию, сейчас очень довольный смеётся в компании нескольких командиров. К тому же ему вернули личное оружие.

Немецкий офицер несколько замялся, потом, глянув мне в глаза, всё-таки решился и спросил:

– Господин генерал, так эти перебежчики специально были к нам направлены? Это операция советской разведки, чтобы ввести в заблуждение командование вермахта? А мы, наивные, для пленных, добровольно сдавшихся и предъявивших пропуск, создавали льготные условия. Вон этого капитана и ещё двух сдавшихся офицеров содержали при штабе в хороших условиях с минимальной охраной. Нужные сведения они давали для дивизии, поэтому пока и не отправляли в тыл. А оказывается, все эти сведения умно подобранная дезинформация. А как играли эти люди – натурально, чуть ли не со слезами в глазах. Респект вашей разведке, господин генерал!

Для меня его вопрос и выводы, которые сделал немец, были как гром среди ясного неба. Но информация о перебежчиках очень заинтересовала. Следовало поддержать вывод немца о хитрости и предусмотрительности советской разведки. Ни в коем случае нельзя показать, что это для меня новость, и я жажду узнать, кто эти предатели. Мало ли что может произойти, вдруг этот немец окажется у своих и там расскажет о своих выводах – вот тогда перебежчикам будет тёплый приём у фашистов, да и гестапо будет перегружено. Вот я и заявил оберсту:

– А вы что, думаете, мы простаки? Беспомощнее, чем французы или там поляки? Думаете, просто так, Россия собрала гигантскую территорию вокруг себя? Так знайте, мы вам подсунем перебежчиков столько, что вы удивитесь, а ещё больше удивитесь, когда, отправив их к себе в тыл, у вас вдруг начнутся перебои со снабжением, с производством, да и проблемы вообще с жизнью в самой Германии.

Выдав этот маразм, я совершенно нейтральным голосом спросил:

– И всё же, когда и в каком месте к вам попал этот капитан? И какая, кстати, у него фамилия?

Оберст, глядя на меня оловянными глазами, механически ответил:

– Фамилия такая же, как у вашего главного бунтаря – Пугачёв. Когда и где он сдался, я не интересовался, а к нам в штаб его привезли вчера.

– Понятно! А что он вам там насочинял? Какую дезинформацию в него вложили мои смежники?

– Все протоколы я, естественно, не читал, но один из моих подчиненных, принимавших участие в допросе, доложил, что Пугачёв рассказал следующее. По предвоенным планам 3-я и 10-я армии были не готовы к нападению. Армии должны были только в августе стоять в полной готовности. Так же мне была интересна информация, которую Пугачёв услышал от своих товарищей, офицеров штаба – с 18 по 21 марта состоялась командная игра в ЗапВО, в которой принимали участие командующие армий и корпусов. В ее ходе отрабатывали задачи третья, четвертая и десятая армии. Из оперативной карты, которую он видел, Пугачёв заключил, что третья армия имела задачу удара в направлении Сувалки через Августов. Четвертая и десятая армии имели задачи наступления на Варшаву и Лицманнштадт. Военная группировка в Литве должна была прикрыть границу в Восточной Пруссии.

«Да, информация не из разряда рядовых, – подумал я, – где же служил этот долбаный Пугачёв, если имел доступ к таким секретам. Срочно найти этого гада, допросить и ликвидировать».

ровать. А этому полковнику нельзя показывать моего интереса к этим сведениям. Думает, что перебежчик специально подослан нашими чекистами, ну и пускай думает. И вообще хорошо было бы, чтобы он эти мысли довёл до немецкого руководства. Нужно организовать ему побег из русского плена. Всё, что он знал про планы немецкой армии, мы уже из него выдоили, теперь пускай поработает у своих генералов в наших интересах».

Демонстративно, взяв какую-то бумажку со стола, я посмотрел на неё, а потом на пленного полковника, и заявил:

– Ладно, господин оберст, у меня дела и некогда дальше вести беседу. Напоследок могу посоветовать – постарайтесь раздобыть где-нибудь тёплую одежду. Она вам месяца через два-три очень пригодится – в Сибири холодно, а вас теперь обязательно отправят туда. Нужно валить лес, а рабочих рук в стране не хватает – очень вовремя ваша армия к нам пожаловала. В народном хозяйстве Сибири пленные очень пригодятся, а то наши буржуи, которые раньше там лес валили, вымерзли как мамонты, но тут как по заказу немцы нарисовались.

Выдав эту порцию чёрного юмора, я усмехнулся и уставился на оберста, как бы оценивая его физические данные, сколько он сможет протянуть на лесоповале. Немец начал ёжиться под моим взглядом, заметно побледнел, а потом попытался расположить русского генерала к себе. Немного заикаясь, он произнёс:

– Господин генерал, вы прекрасно говорите по-немецки, даже чище, чем некоторые уроженцы Германии.

Ничего не ответив, я приказал конвоиру:

– Тюрин, отведи немца к остальным пленным и по пути крикни Шерхану и Якуту, чтобы зашли ко мне. Да, ещё скажи дежурному, чтобы срочно вызвал к генералу лейтенанта Костина.

Наблюдая, как красноармеец выводит пленного, я думал: «Ну что, немец вроде поплыл. Сейчас ещё больших ужасов о жизни в Сибири себе в голове нарисует и часа через два будет готов подвергнуться любому риску, лишь бы убежать от этих страшных русских. А Шерхан и Якут исполнят роли растяп-конвоиров. Надо будет для достоверности подобрать этому оберсту компанию для побега».

В голове сразу же возникли кандидаты на эту роль: во-первых, этот рохля обер-лейтенант, которого мы захватили на границе во время рейда на Сувалки, подойдёт и обожженный лейтенант, плененный во время ночного боя. Но это всё слабаки, которые могут и не решиться на побег. Нужно их разбавить настоящими бойцами. Пожалуй, подойдут гауптман и танкист обер-лейтенант – это настоящие волки, при первой возможности постараются сбежать. И в плен-то попали, потому что контузило во время бомбардировки ребятами Черных. А так бы хрен они сдались – бились бы до конца. Конечно, таких нельзя освобождать, это настоящие враги, но кто говорит, что их нужно отпустить. Подстрелить при попытке к бегству, вот и все дела. А Якут это легко может сделать.

Только я подумал про Якута, как в открытых дверях появилась его шуплая фигура, а за ней возвышалась голова Шерхана. Как обычно в свободное время он что-то жевал. В голове сразу же возникло: «У-у-у, рыжий чёрт, и где ты находишь, что пожрать, ведь интенданты на этом хуторе всё подчистили, чтобы кормить людей, наверняка же ещё утром, когда кулака пресовали, заныкал часть того, что этот куркуль приготовил для встречи немцев». Естественно, я не стал упрекать или стыдить жующего Шерхана, всё равно это было бесполезно, да и в общем-то вредно. Вдруг прекратит набивать свою утробу, тогда беда будет – станет злой и раздражительный. Он мне сам говорил, что у голодного у него начинает болеть голова и возникает желание кого-нибудь убить. Так что ограничивать Шерхана в поисках еды полезно только в одном случае – перед боем. Тогда, кроме ярости, в нём просыпается адская предприимчивость и хитрость. Да он десятки врагов в пыль превратит, чтобы добраться до их запасов.

Внутренне посмеиваясь, внешне я был сама серьёзность, и тон, которым начал отдавать распоряжения, был строг и деловит. Даже не дождавшись, когда мои боевые братья подойдут, я начал приказывать:

– Отдых отменяется! Сейчас ожидаем Костина, и вы с ним, захватив на подмогу наших рязанцев, идёте арестовывать трёх субчиков. Они вооружены, поэтому нужно это сделать неожиданно и тихо. Костин знает этих людей в лицо и поможет нейтрализовать их. Якут, ты особо там не лезь, рязанцы их техничнее скрутят, твоя задача охранять задержанных, если их возьмут не всех сразу, а будут крутить поодиночке. Ну, это ладно, с задержанием и одни рязанцы бы справились, первое задание просто вам разминка, перед более заковыристым. Нужно будет организовать побег нескольким пленным, при этом требуется, чтобы ушли только трое нужных нам немца. Всё это должно пройти натурально, и убежавшие не должны догадаться, что побег подстроен. Будете изображать нерадивых конвоиров. Петлицы и нагрудные знаки снимите, чтобы фашисты не догадались, что вы младшие командиры и имеете награды. Нет, лучше переоденьтесь в старую грязную форму, пусть немцы подумают, что вы салаги-первогодки.

До самого прихода Костина я подробно инструктировал Шерхана с Якутом, а когда лейтенант открыл дверь и зашёл в комнату, резко прекратил свой инструктаж и набросился на вновь прибывшего:

– Ты что же, лейтенант, творишь? Зачем всякую мразь привечаешь?

– А что такое, товарищ генерал? В чём я виноват?

– Это твоя группа захватила штабные машины седьмой танковой дивизии немцев?

– Так точно, товарищ генерал!

– В этой колонне перевозились и три пленных командира Красной Армии. Тебя не насторожил тот факт, что немцы, как бар, на автомобиле перевозят наших пленных, да ещё в штабной колонне?

– Никак нет! Ведь наши же ребята, тем более командиры. К тому же я узнал одного из них – это капитан Пугачёв Михаил Львович. Он был начальником разведотдела в одиннадцатом мехкорпусе. Вот в разведке и напоролся на фашистов. Говорит, что оглушило его близким взрывом, а когда очнулся, вокруг немцы. Но он настоящий коммунист, не растерялся и спрятал партбилет в сапог. Показывал мне свой партбилет. Остальные документы гитлеровцы изъяли.

– Партбилет, говоришь, показывал? Ну-ну! Предусмотрительная сука – и фашистам подлизал, и документ оставил, чтобы оправдаться, если маятник качнётся. Предатель он – сдался немцам добровольно и все секреты, какие знал, рассказал. А знал он много – разведкой целого корпуса командовал. Теперь тысячи наших братьев из-за этой гниды погибнут.

– Как добровольно? Не мог он это сделать – он же наш, советский, к тому же коммунист, его нам даже в пример ставили, когда я в Барановичах на миномётных курсах учился. Он у нас несколько занятий по разведке проводил. Да и семья у него в Барановичах живёт, а сам он родом из Житковичского района Полесской области. Я тоже в этом районе родился, он в Беленском сельсовете, а я в соседнем.

– Вот на том, что вы земляки, он тебя и провёл, а ещё на авторитете партии. А на самом деле душа его чёрная и подлая. И, к сожалению, не только у него одного. Вот из-за таких затаившихся мразей многие наши части разбиты, и тысячи пацанов никогда не попадут домой. А что Пугачёв предатель, я знаю точно – немецкий полковник всё рассказал про Пугачёва, и он не врал. Тот передал такие секретные сведения, про которые немецкое командование не могло знать. Да что там немцы, многие наши полковники и генералы не знали – круг допущенных до этих сведений был совсем невелик. Я, как командир бригады РГК, был допущен до этих секретов. А теперь, после сдачи в плен начальника разведотдела одиннадцатого мехкорпуса, о них знают и немцы. Вот и делай выводы, лейтенант!

После этих слов лицо Костина как-то погрузнело, глаза, обычно задорные, сияющие молодецкой удалью, стали пустыми. Одним словом, у парня рушилось представление о светлом и чистом. Тот, которого он считал примером для себя, путеводной звездой к счастливому коммунистическому завтра, оказался предателем, а сидящий перед ним человек, которого по всей 10-й армии считали «мясником», ненавидящим любое проявление человечности, тупым солдафоном и прочее, прочее, оказался настоящим человеком – несгибаемым, мужественным и умным. По крайней мере, умнее немецких генералов, которых он разбивал одного за другим.

Посчитав, что лейтенанту надо время, чтобы прийти в себя, я не стал приказывать немедленно бежать и арестовывать предателей, допущенных Костиным в наши ряды. Вместо этого я опять принялся давать цэу Шерхану и Якуту. Основной упор делал на том, что конвоиры должны выглядеть полными чмо, которых не обманет и не убежит от них только ленивый. Шерхан не упустил свой шанс получить от сложившейся ситуации хоть какое-то удовольствие для своего организма, он предложил:

– Юрий Филиппович, может быть, нам в процессе конвоирования где-нибудь присесть, чтобы перекусить, ну и бутылочку достать. Если сразу не побегут, то мы с Якутом можем и песни начать петь. Тогда уж точно побегут, недоноски фашистские!

– Ну что же, здравая мысль. Ты, Наиль, тогда, перед тем как пойдёте на задание, зайди к старшине Мякину, возьми у него нужные для операции продукты, при этом сошлись на мой приказ о выдаче тебе двух порций сухого пайка и бутылки сливовицы, их больше сотни конфисковали на этом хуторе.

– Так точно, товарищ генерал, передам ваш приказ!

При этом глаза Шерхана удовлетворённо заблестели, а язык непроизвольно лизнул верхнюю губу. Но я тут же сбавил его гастрономический восторг, произнеся:

– Но сливовица пойдёт в счет вашего с Якутом водочного довольствия. Понял, Наиль? Так что губы не раскатывай на халявную выпивку.

Чтобы это указание не нарушило душевного равновесия моего водителя, а если более ёмко сказать, боевого брата, я добавил:

– Но ты не расстраивайся, полученный сухой паёк не будет учитываться при выдаче продуктового довольствия.

Не глядя больше на Шерхана, я всё внимание сосредоточил на Якуте – начал объяснять необходимость участия снайпера в этом задании. Зная крайнюю обязательность нашего «зоркого сокола» (так я иногда называл Якута ещё с Финской войны), доводил поручение лично до него, так до парня лучше доходило, и он скрупулезно выполнял поставленную задачу. А говорил я ему следующее:

– Знаешь, сержант, конвоировать вы будете пятерых, а убежать должно только трое. Двоих ты видел, это обер-лейтенант, захваченный разведчиками на границе, когда происходил рейд дивизии генерала Борзилова, а второго немецкого лейтенанта ты сам лечил от ожогов, полученных им в ночном бою. Третий, который должен убежать, фигура заметная, не перепутаешь ни с кем из этих пятерых – это толстый полковник. Он должен убежать обязательно. А немецкий капитан и лейтенант танкист станут твоей целью. Сможешь их подстрелить, когда они будут бежать, при этом лавировать, чтобы сбить прицел. Ведь они могут даже на карачках двигаться или перебежками. Враги матёрые, под пулями не раз бывали. Попадёшь в такие разбегающиеся мишени?

Якут решил блеснуть подцепленным где-то выражением и ответил:

– Да как два пальца об асфальт!

– Ну, коль ты такие модные выражения знаешь, то тогда я спокоен за судьбу этой операции!

Усмехнувшись, я, обращаясь уже к Костину, который вроде бы уже пришёл в себя, спросил:

– Слушай, лейтенант, я вот всё никак не пойму, почему ты сам начал заниматься освобождёнными из плена военнослужащими, почему не передал их особисту? Он бы такие ляпы вряд ли бы допустил!

– Так в моём вновь сформированном дивизионе вообще нет такой службы, а в батальоне Рекунова особиста и его помощника убило – прямое попадание снаряда самоходки в их броневик. Вот и пришлось самому решать судьбу отбитых военнопленных. А тут один из них знакомый, к тому же у него партбилет при себе имелся, ну я и поверил ему. Ещё ему трофейный вальтер дал, чтобы не был безоружен, когда вокруг идёт бой. Лично видел, как он из этого вальтера фашиста застрелил. Я ещё удивился, что немец вроде руки поднял, а Пугачёв в него половину обоймы разрядил. Ну, думаю, совсем фашисты мужика довели в плену.

– Понятно, Серёжа! Теперь будешь исправлять свою ошибку. А так как в твоём подразделении нет особиста, сам побудешь им. Допрашивать Пугачёва не прошу, это сделает старший сержант Асаенов – он специалист. Ты будешь вести протокол и формулировать вопросы. Двух остальных перебежчиков допросишь сам, у Шерхана задание, и он после допроса Пугачёва направится на его выполнение. Понял, лейтенант?

– Так точно, товарищ генерал!

– Да, и ещё, после допросов пригласишь Рекунова и его замполита и вместе на основании протоколов допросов решите, что делать с этими тремя уродами. Моё предложение – расстрелять, нет у нас тюрьмы и зон, где эти гады могли бы работать на пользу трудового народа. Так и запишешь моё мнение в протокол решения вашей тройки. И постарайся закончить всё быстрее, максимум до 18–00. Сам знаешь, как только начнёт темнеть, а в 22–20 наша сводная колонна выступает, до этого нужно ещё массу дел сделать. Всё, лейтенант, время пошло, бери ребят и иди, арестовывай мерзавцев. Самых лучших бойцов выделяю тебе на проведение этого мероприятия. Кроме Шерхана и Якута, ещё три красноармейца ожидают вас возле моего «хеншеля». И сам к перебежчикам не приближайся, можешь их насторожить – покажешь моим ребятам, а сам вместе с Якутом просто контролируете процесс задержания.

Обращаясь уже к Шерхану, я спросил:

– Ты понял, Наиль, – будешь допрашивать Пугачёва! Время дорого, поэтому особо с ним не миндальничай. Да, и пускай лейтенант посмотрит и поучится, как нужно обращаться с предателями. Больше чем уверен, что Пугачёв сначала будет всё отрицать, ведь он уверен, что подчистил концы, застрелив немца, фиксировавшего все секретные данные, которые сообщил капитан. Но ты не верь ему, если после первых вопросов не расколется, то сразу применяй средство устрашения номер три. Рязанцы пускай помогают тебе, набираются опыта. Шпионов, диверсантов, предателей много, а бороться с ними практически никто не обучен.

Я кивнул Шерхану, и он без всяких слов сразу же меня понял, козырнул и гаркнул, как всегда на публике:

– Разрешите выполнять!

– Да, ребята, давайте действуйте! И смотрите там без всякой театральности и героизма. Тихо взяли этих орёликов и сюда в баню, где будете их допрашивать.

Дальше воспоминания стали какие-то сумбурные и отрывочные – так мозг отреагировал на изменение обстановки. Двигатель снова гудел, автомобиль тронулся, а в общем-то неудобное сиденье опять стало превращаться в мягкую люльку. Организм, конечно, захотел провалиться в нирвану, но мозг не дал ему такой возможности. Нужно было до прибытия в Хорош продумать все свои дальнейшие действия.

Глава 3

Прежде всего, хотелось ещё раз проанализировать саму идею наступления на Варшаву. Ведь родилась она спонтанно, от безысходности и невозможности обычными методами остановить развал фронта. Вот тогда и возникла мысль, что нужно предложить людям нечто невероятное, чтобы они забыли про трудности, лишения и, в конце концов, про смерть. Идея должна была эмоционально захватить человека, и в то же время она не может быть эфемерна и недостижима. Вот тогда в голове и возник призыв, овеянный романтикой ещё гражданской войны, «Даёшь Варшаву!».

Конечно, такой лозунг любой нормальный военный специалист может охарактеризовать только одним словом – бред. Не бывает наступлений в момент, когда практически все армейские структуры развалились, а большинство красноармейцев и командиров думают только о том, как бы вырваться из-под катящегося прямо на них адского молоха фашистского вторжения. Не то чтобы ужас вызывали сами немцы, нет и ещё раз нет, но легкость, с которой разваливались, казалось бы, незыблемые советские государственные структуры, просто поражала. А пропаганда шёпотом действовала сверхэффективно. А как ей не поверишь? Если о положении дел рассказывает такой же солдат, как и ты. Ну а если это гражданский беженец, то непременно потерявший своих близких во время жутких бомбардировок. Вот и ходят среди красноармейцев невероятные слухи и сплетни о жутких бомбардировках, армадах немецких танков и нескончаемых вереницах грузовиков с пехотой. Которая вооружена не чета нам – сплошь автоматами, а в каждом грузовике обязательно есть несколько пулемётов и миномётов. От этой силищи можно спрятаться только в лесах и болотах, а иначе намотают твои кишки на гусеницы германского танка, и немцы даже этого не заметят. Большие командиры об этой силище знают, поэтому и не видно их нигде. Наверняка под защитой полнокровных дивизий попивают чаёк в своих уютных штабах где-нибудь под Минском. Вот и нам нужно туда, где можно передохнуть, получить новое оружие и уже под воздушным прикрытием сталинских соколов навалить фашистской сволочи по самое не могу. И так думали лучшие, самые смелые бойцы, остальные были просто в панике. Не знали, куда податься, что делать и где найти спасение.

То есть положение было аховое, но именно в таком я и был обучен действовать. Конечно, не в академии, а в прошлой реальности, в единственной военной школе Русского сопротивления – эскадроне. И главное, что я там усвоил для подобных ситуаций – если люди достигли крайней степени усталости, разочарования и неверия в свои силы, то их нужно ошеломить. Предложить нечто фантастическое по своей дерзости. А наступление на Варшаву только звучало фантастически, а на самом деле было достижимым. При всей нехватке материальных ресурсов, прыжок на Варшаву (по шоссе от Хороща менее ста километров) можно было обеспечить как топливом, так и боеприпасами. Конечно, возникал вопрос, что будет потом? Но такой вопрос возникал только в той части меня, которую занимала сущность деда. Это у него было обострённое чувство самосохранения. А для основной части нашей общей сущности (то есть меня) этот вопрос занимал вторичное положение. Главное было не допустить сползания России в клоаку моей прошлой реальности. А значит, нужно было нанести Германии как можно больший вред. В идеале обескровить её вермахт. Удар на Варшаву весьма способствовал бы этому. И не только в плане материальных потерь немецкой армии, но это был бы колоссальный удар по самой идее блицкрига. Пускай наш корпус бы раздавили, но потери вермахта были бы фатальны. Да ещё Гитлер наверняка начал бы трясти свой генералитет, а это никогда во время боевых действий к добру не приводит. Немцы бы забуксовали, а наши, в конце концов, пришли в себя, закончили мобилизацию, навели порядок среди своих генералов, и тогда можно поворачивать. Давно наши солдаты не печатали шаг по брусчатке Берлина. А так будет точно, только

нужно сейчас выдержать этот страшный натиск. Пощипать немцев, понюхать порошу, и будут наши ребята драть хвосты этим долбаным арийцам.

Провел с собой такой своеобразный аутотренинг – мне тоже нужна была уверенность в правильности своих размышлений, да и действий тоже. Я же не железный, и только благодаря таким вот накачкам убиваю в себе пессимизм и неверие в собственные силы. Вот не зря же ещё раз прокручивал в своих мозгах действия против капитана Пугачёва, бывшего начальником разведотдела 11-го мехкорпуса. А всё почему – да просто я не уверен в разведслужбе 6-го мехкорпуса. И готовлю себя морально, чтобы разогнать разведотдел своего корпуса. Хотя, казалось бы, можно успокоиться, я ведь уже провёл чистку разведслужб дивизий корпуса. Ещё в самом начале своего вступления в должность командира 6-го мехкорпуса, прямо на совещании командного состава, проведённом в каждой дивизии, я отстранил и временно, до проведения суда, посадил на гауптвахту начальников дивизионных разведотделов, впрочем, как и снабженцев ГСМ. Впрочем, сейчас осознаю, что последних арестовал совершенно зря. Не было их вины в том, что корпус оказался без ГСМ. По всем бумагам было видно, что на 22 июня мехкорпус был обеспечен топливом на две заправки (а это весьма хороший показатель), и не вина снабженцев, что корпус гоняли по Белостокской области в поисках мифической танковой дивизии немцев. И не от этих интендантов зависело техническое состояние танков. А как мне поведал помощник по технической части четвёртой танковой дивизии, военинженер 2-го ранга Чирин, танки, у которых моторесурс выработан более чем на пятьдесят процентов, потребляют гораздо больше топлива и моторного масла, чем положено по паспортным данным. Когда я это узнал, то, как часто бывало, начал ругать себя за поспешные решения. Конечно, я его исправил, но люди-то получили стресс и теперь будут опасаться проявлять инициативу.

Вот не совершу ли я ту же ошибку, разгоняя весь разведывательный отдел корпуса. Ну, замена его начальника – Бейлиса на Курочкина, вопрос уже решённый. У меня в планшетке лежит приказ на это, подписанный Болдиным, но остальных-то может не трогать?

– Не-е-т, – завопил внутренний голос сущности, прошедшей воспитание в эскадроне. – Ты что, хочешь завалить всё дело? В этом долбаном разведотделе ни одна сволочь не предприняла мер, чтобы узнать истинное положение дел. Нахрен нужны такие разведчики? Своими высосанными из пальца данными запросто подведут под монастырь. Люди-то они, может быть, и хорошие, но нельзя их держать на таких ответственных местах. Вон, например, сейчас нужно много делегатов связи, вот пускай ими и послужат.

Так как главная сущность конкретно высказала своё отношение к этой проблеме, то, естественно, более мягкой и человеческой половине оставалось только взять под козырёк, и мою душу опять окутало единство и согласие. Это позволило мыслям снова вернуться к стратегическим задумкам. И главное, о чём я подумал – правильно ли поступил в последней своей авантюрной затее. Ещё раз начал анализировать разговор с комдивом-7 Борзиловым. Ну не устраивало меня то, что практически два полка этой дивизии сидели в заслоне, перекрывая железную дорогу на Сувалки. Конечно, я понимал, как это важно перерезать артерию, снабжающую 3-ю танковую группу Гота всеми материальными ресурсами. Без постоянной подпитки топливом и боеприпасами она физически не сможет идти вперёд. А значит, северный фланг нашей армии имеет возможность отдышаться, прекратить паническое отступление и встать в стабильную оборону. Вот что такое на самом деле заслон Борзилова.

Всё это так, но я сам участвовал в организации заслона и считаю, что намертво закупорить железную дорогу в этом месте можно гораздо меньшими силами. К тому же полк Тяпкина весьма успешно ведёт бои в самом городе Сокулки. Пытающаяся его сбить 6-я танковая дивизия немцев завязла в уличных боях. Майор Тяпкин молодец, удержал ситуацию под контролем, не поддался азарту преследовать разбегающихся из города паникующих немцев, а основные силы бросил на создание опорных пунктов. Пока рота мотострелков из приданного 13-му танковому полку батальона наводила шорох в захваченном городе, остальные занимались

оборудованием оборонительных позиций. Конечно, кроме некоторых сапёров, которые взрывали захваченные рядом со станцией склады боеприпасов и ГСМ. Об этом мне доложил сам майор Тяпкин ещё позавчера вечером. К сожалению, это был последний раз, когда удалось наладить радиосвязь. Но с Борзиловым я говорил последний раз как раз перед отъездом в 21–40. Связь на удивление была хорошая, и это несмотря на то, что сеанс несколько раз прерывали, чтобы поменять частоты. Я уже скоро всех приучу, чтобы сеанс связи продолжался не более пяти минут, после чего связь прерывалась, и контакт возобновлялся на новой частоте и в идеале на новой рации. Конечно, если именно нас прослушивают, то для профессионалов это не очень большое препятствие. Но я надеялся, что у немцев сейчас тоже бардак и им не до тотальной прослушки. Хотя Борзилова наверняка слушают – слишком его дивизия большая кость в горле вермахта. Но постоянно слушают, скорее всего, дивизионную рацию, работающую на привычных частотах. Поэтому мы меняли не только частоту, но и рации. Условия для связи были отличные, и не только дивизионная радиостанция могла поддерживать связь, но даже менее мощные полковые.

По дивизионной рации Борзилов докладывал только об успехах – о боях в Сувалках и отражении атаки немцев, поддерживаемых бронепоездом с юго-запада. Во время этого боя бронепоезд огнём танковых пушек был сильно повреждён, и фашисты еле смогли его утащить назад. Авиация противника попыталась провести массированную бомбардировку наших позиций в районе лесного склада, но огнём вновь сформированного зенитного дивизиона (его основа трофейные 88-мм зенитные орудия) было сбито семь «юнкерсов», и уцелевшие немецкие самолёты, сбросив куда попало бомбы, позорно ретировались. Несколько другие доклады и разговоры велись по полковым рациям – о трудностях, потерях, нехватке некоторых видов боеприпасов и, конечно, о дальнейших действиях подразделений дивизии. И больше всего мы обсуждали вопрос о ходе подготовки к наступлению в сторону Варшавы некоторых частей дивизии Борзилова.

Да, вот именно о наступлении! А если конкретнее, то вдоль железнодорожных путей в направлении Варшавы. Первоначально в мой авантюрный план наступления на Варшаву не входила 7-я танковая дивизия. Подразделения Борзилова должны были выполнять сталинскую Директиву № 3. И не тот суррогат, который поставили перед КМГ Болдина, а истинную директиву, где главной целью удара были Сувалки, а никак не Гродно. Штаб фронта переиначил директиву вышестоящего командования, изменил цели и сами направления контрудара. Вопреки воинской дисциплине. Вопреки стратегии, вопреки здравому смыслу. Изменили при этом подчиненность войск. Командующий Западным фронтом вывел 6-й мехкорпус 10-й армии из подчинения этой самой 10-й армии. Похоже на работу того самого злого гения, о котором говорил Черных. Но эта гнида сильно просчиталась, мы выдюжим и победим всю нечисть, навалившуюся на мою страну. И уже побеждаем, коли эта директива, пускай нестандартными методами, но выполнена. Город Сувалки взят, железная дорога перерезана и 6-й мехкорпус находится в подбрюшьи 3-й танковой группы немцев. По крайней мере, гитлеровцы, да и наши, так думают. Информация о бое у Сокулок и данные о взятии Сувалок наверняка уже в Москве. Об этом должен позаботиться Пителин (в его распоряжении сверхмощная радиостанция), а также Черных. Не зря же его самолёты-разведчики кружили над Сувалками (об этом по рации сообщил майор Тяпкин), а над полем боя у Сокулок я видел их лично. Зная любовь Черных к аэрофотосъемке, можно предположить, что разгром немцев заснят в лучшем виде и все материалы уже отправлены в Москву.

То есть и наши, и немцы сейчас думают, что 6-й мехкорпус начнёт вспарывать брюхо третьей танковой группе немцев. Пускай думают, а мы пойдём другим путём. Как говорится, сделаем ход конём. Сил у нас мало, и бодаться с дивизиями первого эшелона немцев дураков нет. Лучше мы пойдём на Варшаву – там сподручнее буянить. Максимум, кого на этом направлении мы сможем встретить, это обычные пехотные части. А ближе к Варшаве вообще лафа –

тыловики, снабженцы и прочая шваль. Там наши ветераны сойдут за демонов, беспощадных и неуязвимых. Опять же польза от этого больше, чем лоб в лоб сражаться с танковыми дивизиями вермахта. Боевые качества их солдат я сам видел, и если бы не неожиданный удар с воздуха самолётами Черных, смяли бы нас однозначно. Хорошие вояки немцы, ну а мы недостаточно ещё подготовлены и обстреляны. Поэтому и пойдём другим путём. Озадачим фондов и герров, рисующих сейчас стрелки на картах немецкого Генштаба. Они планируют отражать наши танковые атаки на правом фланге и в тылу 3-й танковой группы, а мы ударим на стыке 7-го и 9-го пехотных корпусов немцев. Если доверять карте, изъятой у Гудериана (оснований не верить ей нет), там действуют подразделения 2-го эшелона. А эти гаврики обучены не лучше наших солдат. Когда допрашивал Гудериана, он вообще отзывался о многих дивизиях 7-го и 9-го корпусов весьма нелестно. Называл эти дивизии скопищем непуганых ослов. Вот мы их и попугаем.

Вообще-то недооценивать немецкую армию нельзя, тем более в районе, где отличная сеть автомобильных дорог. С их-то организованностью и господством в воздухе они в два счета перебросят в нужное место необходимые резервы. И столкнёмся мы уже не с желторотыми птенцами, а с подразделениями первого эшелона, укомплектованными опытными солдатами и напичканными противотанковыми пушками. Вот что меня больше всего беспокоило в предстоящей операции. Нужно было как-то отвлечь немцев на другой участок фронта. Выбор был невелик. Под моим командованием было три дивизии, две из них (4-я танковая и 29-я моторизованная) должны были участвовать в операции прорыва немецкой линии обороны и наступлении на Варшаву. Значит, ложную операцию по наступлению должна была провести 7-я танковая дивизия. А как это сделать, если перед ней стоит сверхзадача – перекрыть снабжение 3-й танковой группы немцев. И вообще именно на ней и на 7-й ПТАБр висело выполнение директивы самого Сталина. А это не хухры-мухры. Принципы организации армии не допускают невыполнения директивы вышестоящего командования. Даже если тебе кажется, что ты лучше понимаешь обстановку. Даже если ты считаешь решение вышестоящего начальства глупым. Оно – начальство. И, кто знает, может, глупый приказ на самом деле неглуп. Тобой жертвуют во имя замысла, который тебе неизвестен. Люди должны гибнуть, выполняя заведомо неисполнимый приказ потому, что за тысячу километров от них реализуется операция, ради успеха которой и вправду имеет смысл погибать в кажущейся бессмысленной отвлекающей операции. Война – жестока. То есть нарушить Директиву № 3 я не мог, как бы мне ни казалось выгодным использовать силы 7-й танковой дивизии в другом месте.

Казалось бы, безвыходная ситуация – для того чтобы немцы не перебрасывали сильные и боеспособные подразделения на направление нашего наступления к Варшаве, нужен был мощный отвлекающий удар в другом месте. Который немецкое командование посчитало бы более опасным для себя. Такое место было, и это, конечно, район Сокулок, где оперировала наша 7-я танковая дивизия. Но у Борзилова можно было отвлечь, без ущерба для основного дела, максимум батальона два. Ну что это за удар такими силами? Немцы посмеются и заткнут такую дырку одним полком резервистов.

Решение этой задачи навалилось на мой мозг ещё во время знаменательного боя с 7-й танковой дивизией противника. Конечно, не в самый драматический момент, когда немцы начали нас одолевать, а после бомбардировки их самолётами 9-й САД. Когда батальон Рекунова и «ханомэги» Костина, преследующие драпающих немцев, скрылись из вида. Только по пыли и отдалённой стрельбе можно было понять, где они сейчас находятся. В общем-то, я сам вызвал эти размышления, чтобы чем-то занять свой мозг, мучающийся неизвестностью и гадающий о том, что предпримут немцы в ответ на нашу безумную атаку. Боялся я, что попадут ребята в хитроумный капкан, устроенный съевшими собаку на войне фашистами. Легче было размышлять о чём-то важном, чем грызть себя за непредусмотрительность и мальчишество.

Наверное, в это напряжённое и драматическое время организм использовал все свои резервы и снабжал голову гигантским количеством кислорода и адреналина, так как мозг посетила весьма оригинальная идея. Даже, вернее сказать, сумасшедшая, не менее авантюрная, чем решение провести контратаку на дезорганизованных после бомбёжки немцев – бронепоездами будем давить фашистов. Чтобы они бежали, как сейчас бегут от ребят Рекунова и Костина. Мысль, где взять эти бронепоезда, у меня сформировалась за мгновение до безумной идеи атаки теми небольшими силами, которые можно было изъять у дивизии Борзилова. Вернее, эта идея родилась после мысли о создании бронепоездов. А появилась она из-за вида Шерхана, который только что появился в окопе НП с донесением от Фролова. Слова донесения обходили мой мозг стороной, всё внимание было приковано к физиономии моего боевого брата. Его чуть уловимая ухмылка вызвала у меня ассоциацию с более откровенной усмешкой, когда он хвастался, какой он за двадцать минут сгоношил бронеавтомобиль из нашей «эмки». Взял из депо станции толстые листы железа и набил их гвоздями прямо на двери и капот моего персонального автомобиля. После такого варварства красавица «эмка» представляла собой нелепое и убогое зрелище, эту конструкцию я в сердцах обозвал недоразумением на колёсах. Но каким бы странным этот новоявленный броневик ни казался, он полностью выполнил свою миссию. И если бы не эта конструкция, то и война могла пойти по другому сценарию. Ведь только благодаря этим железным листам, которые защитили «эмку» от пуль, мы смогли прорваться сквозь бандитскую засаду в штаб 9-й САД. Где я убедил Черных объявить тревогу по всем авиаполкам и поднять истребители в воздух. А это произошло перед самым вторжением фашистов.

Вот и сейчас я представил себе большое, рукотворное недоразумение на железных колёсах, от которого отскакивают пули и снаряды фашистов. В страхе те бегут от него, тем более это чудовище не одно – на железнодорожных путях они следуют одно за другим и при этом исторгают из себя струи свинцовой смерти. Паника у немцев гарантирована, а значит, их генералы в авральном порядке погонят для локализации этой разрастающейся угрозы все свои оперативные резервы. А нам это и нужно! Что немаловажно, эти поезда смерти можно укомплектовать небольшим количеством бойцов – лишь бы пулемётов и орудий у них было в избытке. А сейчас после захвата немецких складов на станции Сувалки этого добра хватает. И ещё, кроме захваченных вооружений и боеприпасов к ним, ребята рейдовой группы обнаружили на станции целый эшелон с 30- и 20-миллиметровыми бронелистами. Немцы продолжали усовершенствовать свои танки, усиливая их бронезащиту – они наваривали эти листы поверх заводских. Об этом я знал, да и Гудериан хвастался, что даже в полевых условиях его подчинённые повышают бронезащиту танков. Русские противотанковые пушки не в состоянии пробить усиленную броню у модернизированного «панцера». Как рассказал немецкий генерал, в его танковой группе в полевых условиях модернизировано почти тридцати процентов танков Т-3 и пятьдесят процентов Т-4. Наверное, такой же процесс шёл и в 3-й танковой группе. Так что майор Тяпкин не только лишил группу Гота стратегических запасов топлива и боеприпасов, но и сорвал план модернизации танков.

Об этих бронелистах мне рассказал сам майор Тяпкин, когда утром я с ним связывался ещё до организации НП. Тогда я ему посоветовал использовать эту броню для оборудования опорных пунктов. А после идеи об организации железнодорожного бронепоезда решил оставшиеся листы пустить на оборудование бронепоездов. Эта идея так мной овладела, что, спросив Шерхана о его личных ощущениях, о положении дел в перелеске у высоты 212, куда отбыл Фролов для организации обороны, успокоился, отправил Наиля отдыхать. После чего приказал бригадному радисту установить связь сначала с 13-м танковым полком майора Тяпкина, а затем с 7-й танковой дивизией генерала Борзилова. Со связью нам в этот раз не везло, с 13-м танковым полком её установить так и не удалось. С дивизией Борзилова удача улыбнулась где-то через минут сорок мучений бригадного радиста. Чтобы уложиться в установленный мною

в пятиминутный срок разового общения по рации, я сразу же взял, как говорится, «быка за рога». Огорошил генерала словами:

– Ну что, Семён Васильевич, сидеть в обороне не надоело? Не пора ли потряхнуть стариной и пощипать удачу за хвост!

– Так мы щипаем, вон тринадцатый полк в Сувалках у немцев уже все волосы из жопы вырвал!

– Да, ребята Тяпкина молодцы, крепко фашистов прищучили. Как, кстати, там они – не могу никак связаться с майором?

– Со связью и у нас беда! Радиостанции никак не могут пробить завесу помех в эфире, да и проводную связь пока не получается восстановить. Связисты работают над этим, но слишком много обрывов – видно, поработали вредители. Какая-то группа поляков, продавшихся фашистам, действует вдоль железной дороги – только мои ребята восстановят линию связи, как её через полчаса нарушают. Пока выследить этих гадов не удаётся, но ничего, особисты и разведчики начали работать по этому вопросу, и думаю, скоро они этим приспешникам гитлеровцев уши-то оборвут. А пока приходится в Сувалки дрезину направлять, чтобы получать информацию о положении дел в полку. Слава богу, расстояние небольшое и за час мотодрезина успевает туда и обратно.

– Понятно, Семён Васильевич, тогда по своим каналам передай приказ майору Тяпкину организовать на базе захваченного в Сувалках танкоремонтного завода сверление обнаруженных на станции бронелистов. Задача – просверлить в этих листах несколько отверстий, чтобы их можно было прибить обычными гвоздями к деревянной поверхности. Уже обработанные бронелисты отправлять в ваше распоряжение на лесной склад. И это нужно делать быстро, не раскачиваясь. Пусть майор берет кого угодно за жабры, угрожает полякам и пленным немцам хоть расстрелом, но первая партия бронелистов сегодня вечером должна быть у вас.

– А на кой чёрт мне нужны эти бронелисты? Или вы думаете обивать ими подготовленные для обороны дзоты, превращая их в доты? В общем-то, это хорошая мысль – можно любую землянку в мощный дот превратить.

– Да нет, Семён Васильевич – используя эти бронелисты, твои мастера да и находящиеся на лесном складе поляки будут клепать бронепоезда.

– Ч-ч-чего?.. Юрий Филиппович, что-то, наверное, связь барахлит, я не понял, что вы сказали!

– Бронепоезда будешь делать! А если точнее, блиндобронепоезда! На платформы тебе поляки ставят срубы, которые потом обшивают бронелистами. Затем твои оружейники в получившиеся доты на колёсах устанавливают трофейные пушки и пулемёты, и всё, блиндобронев вагон готов. Формируешь из них бронепоезд и вперёд – долбить фашистов. Экипаж такого блиндобронепоезда делаешь не больше чем в сто человек, а значит, твоя дивизия без потери боеспособности сможет штук десять таких блиндобронепоездов сформировать.

– Да что это такое получится, хрень какая-то, а не боевые единицы! Эти срубы на колёсах немцы в два счёта спалят! Только людей зазря погубим! Да если я и сделаю эти блиндажи на колёсах, то где мы возьмём столько машинистов на паровозы? Ну, самих-то тягловых лошадок на станции Сувалки полно, но где к ним взять бригады?

– В тех же самых Сувалках и возьмёшь. И помогут тебе в этом поляки, которых мы освободили на лесном складе. Тадеуша, который был у нас переводчиком, озадачь этим. Он парень деловой и шустрый, к тому же немцев не любит, вот и пошли его в Сувалки с заданием, подобрать десять локомотивных бригад. Пускай хорошие деньги обещает за эту работу. Ты ему все деньги, которые мы захватили в конторе лесного склада, отдай – пусть из них выплачивает аванс подобранным людям. Больше чем уверен, что специалистов мы найдём, если, конечно, жадничать не будем. В Польше же капитализм, и за деньги эти люди что угодно сделают. Пусть и подчиненные Тяпкина пошарят по конторам активно сотрудничавших с фашистами, а также

по филиалам немецких банков и потрясут финчасти немецких контор. Обнаруженные средства оприходовать и направить на оплату железнодорожникам, которые будут управлять паровозами, а также тем, кто будет их готовить к рейсу. Пусть финслужба 13-го полка из этих средств заплатит и людям, занятым бронелистами. С немцами будем действовать методами «кнута и пряника» – если будут саботировать и затягивать сверление бронелистов, то разрешаю расстреливать саботажников, а немцам, которые выполняют задания, следует выплачивать вознаграждение. Не забудь заплатить и полякам, которые будут собирать срубы на платформах. Хорошо заплати, чтобы они довольные были. А что касается твоего неверия в прочность блиндоброни, то ты испытай её. Пускай поляки набьют на брёвна бронелисты, а твои люди постреляют по ним из пушки и пулемёта. А для борьбы с пожарами придётся возить в блиндоброневагоне и несколько бочек с водой.

– Чудно это всё – танкистов превратить в блиндажных крыс!

– Да ладно тебе, генерал! Ты самые боеспособные подразделения не трогай – пусть дальше укрепляют оборону. В формируемый железнодорожный бронедивизион направь регулировщиков движения, оставшихся людей из пулемётных и артиллерийских курсов, ну и тыловиков своих прошерсти. Они у тебя боевые – вон с каким азартом брали штурмом остановленные немецкие эшелоны. Да, и ещё – сколько у тебя осталось трёхбашенных Т-28?

– Семь танков, остальные немцы подбили. Неудобные они, сильно заметные и к тому же броня слабовата. Но хотя танки уничтожены, а из экипажей многие уцелели.

– Вот и хорошо! Всех танкистов, оставшихся без танков, зачисляй в экипажи создаваемых гибридных бронепоездов. А Т-28 грузи на платформы – они будут входить в бронепоезда как отдельные артиллерийско-пулемётные вагоны. И ещё, если у нас получается гибридный бронепоезд, то давай в этом ключе и подумаем – какие новшества мы можем туда воткнуть?

– Даже и не знаю! Может быть, ещё и КВ на платформы поставить, для усиления огневой мощи этого блиндо, прости меня господи, бронепоезда.

– Нет, КВ нельзя, они тебе необходимы для надёжной закупорки железной дороги. Вдруг немцы нагонят для взятия Сувалок мощные силы и сковырнут группу Тяпкина – тогда железную дорогу можно будет удерживать только при помощи тяжёлых танков. И распылять основные силы тебе тоже нельзя, нужно держать тяжёлое вооружение в кулаке, в районе лесного склада. Там шикарное место для обороны, и немцы хрен вкопанные КВ смогут поразить. Не смогут они в те места подтянуть тяжёлое вооружение, и авиацией нас там трудно достать, тем более сейчас, когда у дивизии начал возрождаться зенитный дивизион. Так что про КВ забудем, а вот танкетки или там лёгкие танки вполне можно использовать в нашем гибридном бронепоезде.

– Да у танкеток броня тьфу – пулей прошибить можно! На поле боя-то они маневрируют и в них попасть сложно, а на поезде будут стоять стационарно, и в них любой юнец-наводчик попадёт. Закрывать их брёвнами и бронёй не имеет смысла – они же сами должны вести огонь по противнику.

– Логично говоришь, Семён Васильевич, но у нас же гибридный бронепоезд, а значит, способный вести борьбу с противником не только в пределах видимости с железнодорожного полотна. А представляешь, если в составе нашего блиндобронепоезда будет пару платформ с загруженными на них лёгкими танками и, допустим, с БА-20, и вот когда немцы начинают серьёзное сопротивление и ведут артиллерийский огонь с дальних позиций, мы выгружаем танки и бронеавтомобили и зачищаем их узел обороны. А если у них там танки, то выманиваем их под орудийный огонь бронепоезда. Артиллерийских систем и пулемётов ребята Тяпкина в Сувалках захватили достаточно, даже новейшие 50-мм противотанковые пушки немцы там бросили. Вот их и будем устанавливать для бокового артиллерийского огня. Фланги нашего гибрида эти пушки защитят хорошо. Они на километровой дистанции любой немецкий танк сожгут.

– А снарядов-то к ним хватит?

– Тебе что, Тяпкин не докладывал? На станции целый эшелон с ними стоит. Наверное, недавно пришёл, и немцы не успели его разгрузить. Взрывать его я Тяпкину разрешил только в том случае, если немцы так усилят натиск, что начнут захватывать станцию.

– Да говорил он про эшелон со снарядами, только там не только 50-мм, а и выстрелы к 88-мм зенитным орудиям.

– О-о-о... так это вообще шикарно! Кучу проблем снимает. Орлы Тяпкина в Сувалках неповреждёнными одиннадцать таких пушек захватили, а значит, мы сможем 88-мм орудие установить в каждый передний блиндоброневагон. Будет вести огонь по ходу движения состава. Значит, решаем, что блиндобронепоезд будет состоять из шести вагонов: передняя платформа – техническая, там лежат только материалы для ремонта путей, она выполняет и контрольную функцию, при подрыве железной дороги берёт весь ущерб на себя. Во втором вагоне устанавливаем 88-мм орудие, ведущее огонь по ходу движения состава. Далее блиндоброневагон с двумя 50-мм пушками. Следующим вагоном бронепоезда будет платформа с установленным на ней Т-28. Потом паровоз. А замыкают состав две платформы с лёгкими танками и бронеавтомобилями. Да, и ещё, каждый блиндоброневагон комплектуем двумя-тремя пулемётами.

– Юрий Филиппович, нужно ещё предусмотреть вагоны, где будет располагаться бригада по ремонту путей и пехотное прикрытие для рейдовой группы бронетехники.

– Верное замечание, товарищ генерал. Тогда наш гибридный бронепоезд будет состоять из восьми вагонов. Эти два вагона для десанта и рабочей бригады делаем из обычных теплушек. Обшиваем их двойным слоем бронелистов и насыщаем ручными пулемётами. Слушай, Семён Васильевич, а страшная штука получается этот блиндобронепоезд – просто так к нему на какой-нибудь «двойке» не подъедешь! Всё, Васильич, давай будем заканчивать разговор, лимит времени и на этой рации подходит к концу.

Борзилов согласно хмыкнул и произнёс:

– Всё понял, комкор, будем заниматься этими блиндобронепоездами. Сейчас сажусь поручения Тяпкину писать, через полчаса дрезину в Сувалки отправлю.

– Давай, генерал, действуй, а на майора Тяпкина представление подготовь. Я поддержу, если ты выдвинешь его на звание Героя Советского Союза.

Глава 4

Разговор закончился, а вскоре показались и возвращающиеся после контратаки «ханомы» лейтенанта Костина. А потом навалилась куча дел, и не было никакой физической возможности сесть и спокойно поразмышлять о задуманной железнодорожной контратаке силами дивизии Борзилова. Только сейчас в «хеншеле» такое время нашлось. Вот я и сидел, прикрыв глаза, совершенно не вмешиваясь в процесс замены пробитого колеса автомобиля. После последнего (как раз перед нашим выездом) сеанса связи с Борзиловым следовало детально продумать тактику таких мобильных сил, как дивизион гибридных бронепоездов. Да уже пора было это делать. Генерал Борзилов выполнил своё обещание, и сейчас, спустя совсем небольшое время после нашего позавчерашнего разговора, в строю было уже пять блиндпоездов. А к 10–00 сегодняшнего дня, когда согласно нашим договорённостям должен был последовать удар на Граево и Элк, считай в тыл 42-му пехотному корпусу немцев, в бой вступают ещё два гибридных бронепоезда. Всего семь поездов смерти начнут клевать 42-й пехотный корпус гитлеровцев. Наверняка генералы вермахта предпримут все меры, чтобы оградить свои железнодорожные коммуникации от такого безобразия. Самое действенное это, конечно, авиация, но мы тоже к этому подготовились – по восемь трофейных крупнокалиберных пулемётов было установлено в каждом поезде, для их использования специально крыши в блиндбронированных вагонах не делали – для устойчивости конструкции было лишь несколько перетяжек, изготовленных из рельсов. А также к блиндбронепоезду прицепили ещё один – девятый вагон. На этой платформе установили две автоматические зенитные пушки (спаренные 20-мм автоматические пушки Flak-38), естественно тоже трофейные. Самое интересное, что расчёты у них были сформированы из польских добровольцев. Тадеуш развил в Сувалках бурную деятельность. Его стараниями в дивизию Борзилова начали стекаться польские добровольцы, и не юнцы какие-нибудь, а люди, служившие в польской армии и имеющие военные специальности, которые были просто необходимы для формирующегося дивизиона бронепоездов.

Одним словом, сегодня в 10–00 немецкая военная машина получит удар по почкам, по своим железнодорожным магистралям. И если повезёт, на этих магистралях будет форменная каша. Северный фланг группы армий «Центр» лишится снабжения и забуксует. Немцы сами начнут подрывать свои железнодорожные мосты, чтобы остановить наше чудо военной мысли. Вернее, русской изобретательности. Ну а если немцы смогут организовать и остановить гибридные бронепоезда своими наземными силами, то это тоже не беда. По крайней мере, вермахт перегонит в те места свои резервы и оголит коридор, по которому 4-я танковая и 29-я моторизованная дивизии намерены наступать на Варшаву. Когда весь корпус вступит в бой, у немецкого генералитета вообще крыша поедет. Вот и надо этим пользоваться, за один-два дня прорваться к Варшаве и начать там буйствовать: уничтожать штаб группы армий «Центр»; нарушить сеть коммуникаций; взрывать или сжигать любой обнаруженный склад. Одним словом, напоследок повеселиться от души – ведь немцы нас всё равно уничтожат. Слишком силы неравные, и все их резервы мы не сможем одолеть. Но победа их будет Пиррова. Пока фашисты нас будут гонять, наши, в конце концов, опомнятся, соберутся с силами и отправят эту коричневую нечисть на суд Всевышнего.

Разведка, сейчас главное разведка! Слава богу, что Курочкин уцелел в той мясорубке, в которую попал батальон Сомова. Да что я мелю, слава богу, что батальон Валерки устроил эту мясорубку для фашистов. Если бы не их постоянные наскоки, удары и засады, то наверняка немцы заняли и Волковыск, да и Белосток тоже. Просто чудо, что его батальон смог столько времени сдерживать напор 7-го пехотного корпуса немцев. Ну, конечно, не одни они, большую роль тут сыграли и отступающие с боями от самой границы подразделения 13-й и 86-й стрелковых дивизий. А ещё, конечно, пограничники. Но если бы не засады и опорные пункты, устроен-

ные моторизованным батальоном Сомова вдоль реки Нарев, то немцы окончательно смяли бы отступающие советские части. Но все хитроумные ловушки Сомова вряд ли бы помогли удержать опорные пункты перед мощью целого немецкого корпуса, если бы в самый драматический момент на помощь обескровленному батальону не пришли ребята Курочкина. Помогли, конечно, но потери были колоссальные. А что делать? Против лома, как говорится, нет приёма кроме другого лома. Таким ломом, вернее ломиком, стал взвод тяжёлых танков лейтенанта Быкова. Как меч Немезиды он прошёлся по фашистскому зверю, изготовившемуся к последнему прыжку, чтобы добить истекающие кровью мои батальоны. А явление ребят Лыкова стало для группировки, преследующей Сомова, поистине фатальным. Немцы запаниковали, побросали тяжёлое вооружение, обозы, наших пленных и бросились улепётывать. Вот тогда рота Лыкова повеселилась от души. Лёгкораненные бойцы-добровольцы, а именно из них в основном и состояла эта рота, забыли про свои раны и мстили отловленным фашистам за всю боль, унижение и беспомощность, которые испытали в первые дни войны. Пленных у роты Лыкова не было.

Обо всех перипетиях противостояния немцам на левом фланге Белостокского выступа мне постоянно (в каждом сеансе связи) докладывал Пителин. А уж про действия близких мне людей он рассказывал всё, что знал. Так что зря я мучился и сомневался, посылая при любой возможности подмогу батальону Сомова. Всё делал правильно – как чувствовал, насколько тяжело Валерке, и гнал, гнал к нему последние резервы. Хотя вторая моя сущность всё зудела, что резервы нужны в другом месте, что, прежде всего, нужно держать Слоним, чтобы обеспечить коридор для выхода из Белостокского выступа частям 10-й армии. Ну, держали бы, и что? Немцы взяли бы Белосток, Волковыск, зашли в тыл 6-му мехкорпусу, лишив его даже надежды получить топливо и боеприпасы. И пришлось бы самим сжигать танки и другую тяжёлую технику, вставшую без топлива, а самим лесными тропами Супрасельской пуши отползать в сторону реки Шара.

Зато теперь, испив всю чашу горя, невзгод и потерь, мы в состоянии наступать – танки имеются, громадный склад в Волковыске набит снарядами, патронами, минами, динамитом и прочим военным имуществом. В запасах интенданта 1-го ранга Гаврилова ещё даже бензин оставался. Жлоб и куркуль, конечно, этот Гаврилов, но правильный куркуль. Болеет за победу мужик – отбросил к чёртовой бабушке все инструкции и выдаёт любые боеприпасы по первому требованию. Если бы не его склады, туго бы нам пришлось. Нужно молить Бога и слабенькие рации немецкой агентуры, чтобы немцы продолжали верить, что эти склады захвачены их диверсантами. Разбомбили бы к чёртовой бабушке нашу главную кормушку, а так думают, что захватили богатые трофеи, и никаких поползновений, чтобы кинуть бомбу даже вблизи казематов Гаврилова люфтваффе не делало. Эх, жалко, что в хозяйстве интенданта нет хотя бы небольшого запаса дизтоплива. Ну ладно, может быть, Бульба откапает где-нибудь запас солярки. Пителин дал ему такое задание. Пронырливый хохол что угодно найдёт, а в Белостокской области наверняка имеются запасы этого топлива. Если уж я узнал о запасах Гушосдора, то Стативко непременно отыщет где-нибудь дизтопливо. Жалко, что немцы им практически не пользуются, так бы наплевать на запасы дизтоплива наших гражданских организаций. Под Варшавой на трофейной солярке бы ездили. Добраться до столицы Польши у нас топлива хватило бы, а там немецкие склады потрясли бы. Ладно, грех жаловаться, что немецкие танки на бензине, очень даже это хорошо – горят лучше. Отсюда повезём солярку – Бульба всё равно её раздобудет. Но на всякий случай поляков и Лыкова к этому делу надо подключить. Бульба, поляки и Лыков частым гребнем пройдутся по всей Белостокской области и обеспечат действия наших танков под Варшавой.

От вопросов снабжения мысль опять перескочила на разведку. И всё потому, что я сам себя убеждал в правильности действий. А всё дело было в том, что действующего начальника разведотдела Бейлиса, ссылаясь на мой приказ, Пителин снял и назначил на его должность Курочкина. Ладно бы одного Бейлиса, а то дед так расшвирипел от положения дел в штабе

корпуса, что разогнал вообще весь разведотдел. А Ряба, как говорится, попал как кур в ощи́п – вырвавшись из ада сражения, окунулся в клоаку штабной работы. Но разбираться и ставить точку во всех тех дрызгах, которые начались в штабе корпуса, предстояло мне. Вот думая о предательстве начальника разведотдела 11-го мехкорпуса Пугачёва, я и готовил себя морально к встрече с бывшим главным разведчиком моего корпуса. Который не предатель, а вполне нормальный, добросовестный служака. И может быть, прекрасный человек и товарищ, но не его сейчас время, не тянет он, вот и нужно на его место поставить проверенного человека.

Удовлетворённая моей реакцией мысль, плюнув на текущие дела, забралась в дебри воспоминаний о прочитанных в академии трудах военных теоретиков. Мозг судорожно перебирал высказывания великих, которые можно применить к сложившейся ситуации. К сожалению, ничего похожего на ситуацию, подобную той, которая сложилась в Белостокском выступе, никто в трудах, которые я изучал, не описывал. Конечно, что им описывать заведомо проигрышную ситуацию, где нет ни одного шанса выиграть. Оставалось опираться на историю, и в голову сразу же пришло воспоминание о салаге Юрке Черкасове, который восхищался ещё в той реальности подвигом трехсот спартанцев. Ну что же, если нет подсказок, будем опираться на свершения великих греков. Эпическое полотно о борьбе моего корпуса с фашистами окончательно погрузило мозг в нирвану. Попытки ответственного человека, комкора, встряхнуться и заставить мозг продумывать шаги подразделений корпуса, ни к чему не приводили, а вскоре и самого комкора не стало – только огонь, дым и былинные воины, почему-то похожие на Рябу, Валерку Сомова и Вихрева, поражающие псов-рыцарей своими мечами.

Эпическое сражение с черными рыцарями, пытающимися покорить святую Русь, прервалось внезапно. Казалось, что вот она, победа, близко, а за тем холмом лежит в золотом ларце святой Грааль, но прочувствовать радость победы я не смог, мозг выдернули из этого чудного сна. Сработала сторожевая система организма, которая постоянно бдела. Вот и сейчас произошло изменение звукового фона (двигатель автомобиля перестал работать) и в мозг поступила команда – подъём. Только я начал осмысленно вглядываться в предрассветный сумрак, как в пассажирскую дверь несколько раз предупредительно стукнули, а затем кто-то бесцеремонно приоткрыл её. Этим наглецом, конечно, оказался Шерхан. Только мой боевой брат мог позволить себе без предварительной договорённости или вызова побеспокоить комкора. Вот и сейчас, глядя невинной овечкой, он произнёс:

– Товарищ генерал, на станцию Хорощ прибыли! Как доложил дежурный, бронепоезд уже здесь, метров семьсот отсюда, стоит в тупике. Ещё он сказал, что в станционном буфете можно получить горячий завтрак. Сегодня там краковские сосиски с макаронами дают. Помните, мы их в Белостоке до войны пробовали – вкусные, заразы.

– У-у-у, пролот ненасытный! Дело надо делать, а не визнавать, где что можно перехватить. Ладно, ты с ребятами давай в буфет, а Лисицын меня к бронепоезду довезёт, потом к вам приедет. Да, Наиль, ты там для меня отсыпь этих сосисок. Ты сам знаешь сколько. Ну и макарон положи в котелок.

Уже когда Шерхан собирался прикрыть дверь, я на него цыкнул и скомандовал:

– Шерхан, куда побежал? Никуда не денутся твои сосиски! Давай позови ко мне дежурного.

Через несколько секунд к двери подбежал младший лейтенант и представился. Я с ходу ему скомандовал:

– Давай, младшой, садись в кабину, покажешь, как проехать к бронепоезду.

Младший лейтенант, наверное, наслушался всяких страшилок про меня – что комкор самодур, за любое пререкание может отправить под трибунал или вообще скомандовать своим опричникам (с которыми он не расстанется и возит в кузове громадного вездехода) расстрелять негодяя, посмеявшего перечить своему генералу. Поэтому беспрекословно стал забираться в

кабину «хеншеля». Хотя мог бы сказать, и я бы понял, он ведь дежурный и не может покидать свой пост.

Да, много ходит про генерала баек по корпусу, и основным поставщиком этой информации стал Сеницын. Раньше был Шерхан, но с ним перестали откровенничать. Бояться стали даже командиры. А парню это нравилось, очень значительным он себе казался. Многие легенды про комкора, о которых рассказывал Сеницын, мне льстили, некоторые злили, а несколько вызывали истерический хохот. Например, почему я всё время передвигаюсь на «хеншеле». Оказывается, генерал лично отбил его у охраны Гудериана, угробив при этом двадцать фашистов и три танка Т-4, в одном из которых пытался спрятаться немецкий генерал Гудериан. Но комкор просек это, свистнул своему рыжему, который за уши вытащил немца из танка и пинками погнал к комкору. Вот после этих пинков порученца комкора у немецкого генерала рожа и заплывала.

Вот и младший лейтенант был наслышан об этом персональном грузовике комкора, поэтому, забравшись в кабину, стал с любопытством и трепетом оглядывать кабину. Про себя я подумал: «Ну что, салага, следы крови убиенных генералом фашистов высматриваешь? Давай, давай, потом поделишься со своими сослуживцами!» Хоть меня и начал разбирать смех, но совершенно серьёзным голосом я требовательно произнёс:

– Что, младший лейтенант, притих? Давай показывай, куда нам рулить!

Лейтенант встрепенулся и громким голосом начал указывать Лисицыну, куда ему рулить. За три минуты, которые мы двигались, я успел выяснить, что младший лейтенант никакой не дежурный, а разведчик из 29-й моторизованной дивизии, фамилия его Панин и он специально был направлен на привокзальную площадь капитаном Курочкиным, чтобы встретить комкора и препроводить его к штабному эшелону. Так что мои измышления, что младший лейтенант, будучи дежурным, не имел права отлучаться со своего поста, оказались неверными. Да и вывод о том, что этот пацан салага, скорее всего, тоже ошибочен. Ряба наверняка уже познакомился со своими разведчиками, и неспособных к этому делу отправил в линейные части. Значит, если младший лейтенант получил поручение от Курочкина, то он прошёл сито отбора, и с большой долей вероятности можно предполагать, что он участвовал в боевых действиях и неплохо проявил себя. За три минуты, пока мы добирались до штабного поезда, который стоял на параллельных с бронепоездом путях, я составил мнение о человеке, изменил его и, как следствие этого, решил узнать у Рябы побольше об этом младшем лейтенанте.

Появление на станции Хорощ бронепоезда и штаба 6-го мехкорпуса было не случайно. Это было плодом моих размышлений, а самое главное, Пителин убедил меня в том, что управление корпуса должно быть непосредственно за боевыми порядками дивизий. А первоначально в целях безопасности я хотел, чтобы штаб был дислоцирован в Волковыске, но Пителин считал, что семьдесят километров от передовых частей по нынешним временам это слишком далеко. Невозможно управлять действиями подразделений с такого расстояния. В процессе разговора с начальником штаба я вспомнил, к каким последствиям привела отдалённость штаба КМГ Болдина от передовых подразделений. Сам Болдин-то наслаждался природой в живописном месте, а подразделения потеряли управляемость. Согласованности действий не было вообще. Одним словом, бардак получился. Разбрелись соединения, составляющие КМГ, кто куда – всё ещё мои делегаты связи не могут обнаружить и установить связь с их штабами. Только зря танкетки на это дело отрядил. Заминку тогда в моём разговоре Пителин даже не заметил – настолько быстро эта мысль пролетела в голове. Но зато хорошо знавший моё упрямство начальштаба был удивлён, насколько быстро я согласился с его доводами. И вопрос о передислокации штаба корпуса был решён.

Между собой-то мы вопрос с передислокацией штаба корпуса решили быстро, а с остальным я боялся, что мне придётся помучиться. Остальное это, конечно, бронепоезд. Он входил в

состав 58-го железнодорожного полка 9-й ЖДД НКВД, который непосредственно мне не подчинялся. Хотя я знал, что командир этого полка капитан Александров связывался со своим наркоматом, и там ему дали добро на то, чтобы он тесно взаимодействовал с командованием 6-го мехкорпуса. Но вот именно, что взаимодействовал, а не подчинялся. Поэтому раньше приходилось различными способами уговаривать капитана Александрова выполнять мои распоряжения. Хорошо, что ещё до войны у нас с капитаном сложились дружеские отношения, сейчас это очень помогало. Получалось, что он выполнял не приказ командира из другого ведомства, а оказывал дружескую помощь. Но чтобы он оказал эту дружескую помощь, приходилось его уламывать и объяснять, для чего всё это нужно. Как ни странно, никаких проблем и разногласий у меня с капитаном Александровым не возникло. Сеанс связи с командиром железнодорожного полка НКВД продолжался пять минут, а вопросов было решено масса. Вообще-то они начали решаться автоматически, когда после взаимных приветствий Александров заявил:

– Товарищ генерал, со мной тут недавно связались из нашего наркомата и передали приказ: «До нормализации обстановки в Белостокском выступе 58-й железнодорожный полк передаётся в Конно-механизированную группу генерала Черкасова. Так что, Юрий Филиппович, можете располагать моим полком, ну и бронепоездом, естественно, тоже.

Не удержавшись, я воскликнул:

– Вот это я понимаю, вот это хорошая весть! Наконец-то Москва начала хоть как-то помогать! Бардак же творится страшный – сам видишь! Всё командование, несмотря на ведомственную принадлежность подразделений, нужно срочно передавать в одни руки. До Москвы это только сейчас дошло, а низовые командиры это давно начали понимать. Вон лейтенант госбезопасности Бедин, золотой мужик, кстати, и тоже из НКВД, так он в первый день войны своим приказом переподчинил особую группу Гушосдора седьмой ПТАБр. И знаешь, какую пользу сейчас стране приносит? Его люди держали автодорогу Волковыск – Слоним. А сейчас я выдвинул Бедина на начальника по тылу корпуса – полковничья, между прочим, должность. Тебе того же желаю, стать настоящим полковником.

– Повышение в звании это, конечно, хорошо, но я не из-за этого буду выполнять ваши приказания.

– Ладно, капитан, я всё понял! Тебе Пителин говорил о планируемой контратаке на Замбров – Ломжа?

– Конкретно города не говорил, но намекал, что планируется большая контратака, и в целях огневой поддержки нужен бронепоезд.

– Да, бронепоезд нужен, но не только для огневой поддержки. Цель планируемой операции вообще запредельная – будем пытаться прорваться к Варшаве. И главная задача бронепоезда, впрочем, как и всего твоего полка, держать наши коммуникации.

– Как к Варшаве? Мы же окружены, немцы взяли Слоним!

– Ну и что окружены! У тебя что, патроны или снаряды кончились? Если подходят к концу, то пошли снабженцев к Гаврилову, у него склады ломаются от этого добра! Или угля для паровоза недостаточно? Так в Белостоке, на угольном складе, его хоть задом ешь!

– Хм-м-м!..

– Ты пойми, это не немцы нас окружили, а это мы к ним в задницу забрались. И нашим ударом на Варшаву мы начинаем рвать их жопу.

– Ну, нелогично как-то, нас в котле замуровали, а мы наступать на Варшаву собрались.

– Вот так и немецкие генералы думают и ждут, что мы кинемся вырываться из котла, побросав всё тяжёлое вооружение. Ты же сам понимаешь, что, допустим, бронепоезд ты никак не сможешь вывести из котла. Придётся его взрывать, а самим лесами пытаться прорваться к нашим. Я тебе как охотник говорю, через эти буреломы ты тяжелее винтовки ничего не пронежёшь. А пулемёты или пушки тебе будет жалко бросить, значит, дорогу будешь искать, чтобы там обоз мог проехать. А все эти лесные дорожки немцам прекрасно известны – агентура у них

разветвлённая, да ещё пятая колонна имеется. Вот они и сделают на такой дороге засаду, да не простую, а танковую. И где будет твой полк после такого боя, где немцы применят танки? Правильно – или в земле, или в плену!

– Хорошо вы говорите, завлекательно! Но в жизни-то всё бывает по-другому! Немцы же спокойно наблюдать, как мы наступаем, не будут – подтянут резервы, ударят, и всё, капец нам.

– Им, чтобы ударить, с востока силы снимать надо, а это, во-первых, время, а во-вторых, наши отступающие части очухаются и так ударят, что немчуре мало не покажется. Ладно, капитан, что я тебя агитировать за советскую власть буду. Лучше скажи – рабочие отряды, которые планировал бросить на ремонт путей, при отходе бронепоезда к Минску ты ещё не распустил?

– Да нет! Дёповцы даже в дополнение к ним поезд ремонтный сформировали.

– Это хорошо, значит, без проблем доберёшься до Хороща. Немцы особо не бомбили железную дорогу. Для себя берегут, как трофей. На перегоне от Волковыска до Белостока только один пассажирский состав разбомблен. Ты там особо не комплексуй, трупы пассажиров не собирай, вагоны в кювет, полотно железной дороги, если оно повреждено, быстро залатать и вперёд, к Хорощу. Время для нас сейчас важно, время! А погибшим отдадим дань уважения после победы. Вот тогда поплачем, посочувствуем близким, памятники невинным жертвам поставим, а сейчас нет времени на эмоции. Ночью, в 3-00, бронепоезд и эшелон со штабом корпуса должны быть на станции Хорощ. Так что бригаду путейцев высылай загодя, чтобы расчистили весь путь до Хороща. Думаю, что немцы бомбить их не будут, не до того им сейчас. Вчера мы хорошо им морду начистили, а до этого аэродромы потрепали знатно. Так что они сейчас раны зализывают. Но от греха подальше ты с бронепоездом и штабным эшелоном на железную дорогу в светлое время не суйся. Не нужно дразнить гусей, тем более у фашистов не клювы, а змеиное жало и стальные когти.

– Вас понял, Юрий Филиппович, ремонтный поезд вышлю часа через два. А подразделения полка и штабной эшелон тронутся, как начнёт темнеть. Думаю, часа за два-три до Хороща доберёмся.

– Да, ты смотри там – поосторожней будь на железной дороге. Мои ребята из 4-й танковой сегодня утром сбили немцев, захвативших дорожный мост через реку Спину. Пленный оберлейтенант показал, что мост захватила специальная штурмовая группа из 800-го полка особого назначения «Бранденбург». Он в курсе, что их полк получил задание и о захвате нескольких железнодорожных мостов, в частности мост через реку Нарев на линии Малкия – Белосток. Я об этом нападении знаю, так как наряду с охраной моста его контролировала и группа из батальона Сомова. Они не смогли отбить этот наскок, пришлось железнодорожный мост взорвать. Вполне вероятно, что другие объекты этот «Бранденбург» мог захватить и неповреждёнными. Сам представляешь, какие волкодавы служат в этом полку особого назначения, если моим ребятам, имеющим в наличии бронетехнику, не удалось отстоять мост. Правда, автомобильный мост, находящийся в нескольких километрах, отстоять удалось, но там подсобил сводный эскадрон из 6-й кавалерийской дивизии, отступающей от самой границы, от Ломжи.

– Знаю я про подрыв моста, и про бой тот знаю – охрану моста через реку Нарев осуществлял взвод из моего полка. И вообще все железнодорожные мосты в Белостокской области охраняет мой полк. Могу сказать совершенно точно, все железнодорожные мосты до станции Хорощ целы и находятся под нашим контролем.

– Ну, тебе виднее, как говорится, не первый год замужем! Ладно, капитан, время тикает и нужно дело делать, а не беседу вести с приятным и умным человеком. В общем, в три часа встретимся в Хороще и я пожму твою руку!

Сейчас, увидев бронепоезд, я с удовлетворением подумал: «Молодец, капитан, держишь свои обещания». Охрана, стоявшая по периметру бронепоезда и штабного эшелона, увидев знакомый автомобиль, даже не пыталась нас остановить, что, конечно, было нарушением требований, но заметив следующий за нами БА-10 с хищно направленным на «хеншель» пулемё-

том, я успокоился. Разнос охране давать не стоило – если бы на таком же грузовике к эшелонам подбиралась диверсионная группа немцев, то охрана покрошила бы её минуты за две. Ребята Александрова собаку съели на охране важных объектов, их такими трюками не проведёшь. А так спокойно пропускают к бронепоезду по одной простой причине – не хотят тревожить, так как знают, что на «хеншеле» приехал комкор, наверняка им со станции сообщили по телефону. А броневик сопровождает нас для порядка, и специально так сделали, чтобы я заметил – психологи, мля, НКВДисты.

Народу у поездов, несмотря на раннее утро, время было 3-15, суетилось много и в основном штабные – слишком часто встречались командиры и в большинстве своём незнакомые мне лица. Но я, по-видимому, им был хорошо знаком. Если прямо сказать, достали с постоянным «здравия желаю, товарищ генерал» или изредка «комкор». Может быть поэтому, я особо и не смотрел по сторонам, а прямым ходом, уткнувшись глазами в щебёночное покрытие, шёл вдоль бронепоезда, чтобы попасть в штабной эшелон. Задача была быстрее встретиться с Пителиным, а не отвлекаться, разговаривая со штабным народом. Это было для меня не характерно – обычно в своих подразделениях и, особенно в штабах, я искал малейшие недочёты, вставлял за них пистон и с чувством выполненного долга шёл дальше до нового нарушителя. Это не моя злобная натура, а просто я считал, что это способствует искоренению расхлябанности, да и вообще пусть подчиненные знают, что командир на месте, и он не потерпит любого нарушения устава. Это армия, и должен быть порядок – порядок и дисциплина, несмотря ни на что.

Уже за бронепоездом я чуть не врезался в стоящего и курящего командира и первый раз не услышал привычного «здравия желаю». Наверное, из-за этого, а не потому, что человек не ретировался с моего пути, я поднял глаза и остолбенел. Передо мной стоял майор Вихрев, тьфу ты, теперь уже полковник Вихрев. Мой заместитель по строевой части, когда я был комбригом. Но это ерунда, что он был моим заместителем, самое главное, Вихрев стал моим боевым братом. Именно он был командиром мехгруппы, ударившей в тыл попавшему в огненный мешок 47-му моторизованному корпусу вермахта, а затем именно его группа ушла в героический рейд. Вот перед самым началом этого рейда я его и видел в последний раз. Если прямо сказать, дело было невероятное и практически безнадёжное. Обнимая его, перед тем как Вихрев забрался в командирский броневидеомобиль, я мысленно прощался со своим заместителем. А сейчас он стоял передо мной живой, здоровый, да ещё и со своим фирменным задорным блеском в глазах. Ну как тут не остолбенеть?

Глава 5

Наверное, целую секунду мы стояли напротив друг друга и молчали. Первым опомнился Вихрев, он, не говоря ни слова, всё так же молча, бросился мне на шею, и только тогда у него прорезался голос. Но он только восклицал:

– Комбриг, дружище, ты жив, я так рад!

У меня тоже навернулись слёзы на глазах, но зато прорезался голос, и я смог ему ответить.

– Я тоже рад, ты не представляешь даже как! Игорёк, если бы не твой рейд, то мы здесь не стояли – драпали бы в сторону Минска, только пятки сверкали. Немцы точно взяли бы Волковыск и рассекли Белостокский выступ на две части. А дальше сам знаешь, что было бы. Представляешь, перед немцами оставался последний барьер – артдивизион и штабники Пителина. А сбить их спокойно мог один батальон немцев. Но тут случилось чудо, по-другому я это и не называю – немцы снимают с такого важного направления все моторизованные части и артиллерию и отправляют их на запад, чтобы дать отпор твоей мехгруппе. Молодец, полковник, спас ты в тот момент считай всю десятую армию.

– Да ладно, Юрий Филиппович, каждый командир нашей бригады сделал бы точно так же. Мне вон штабисты рассказывали, что вы с одним артполком и приданным моторизованным батальоном целую немецкую танковую дивизию остановили и погнали её обратно, в фашистское вонючее стойло. Выдержать лобовое столкновение с немецкой танковой дивизией первого эшелона это что-то – это тебе не по тылам гитлеровцев шастать и трясти обозников.

– Ну, всё, парень, обменялись комплиментами, а теперь к делу. Ты был у Пителина?

– Конечно, он меня в Хорощ и вызвал! Подождать, правда, прибытия штаба чуток пришлось, ну это ладно. Штаб-то от самого Волковыска добирался, а моя мехгруппа вышла севернее Сурожа, прямо в тыл немцам, наседаящим на позиции батальона Сомова. Ну, устроили мы там немчуре жару – баню по-чёрному, по-нашему, по-русски! По радиостанции Сомова я и связался с Пителиным, чтобы доложить, что вышел к своим. Мои-то рации слабоваты, и за всё время рейда только один раз удалось связаться со штабом бригады, да и то связь была паршивая и неустойчивая. Как с Пителиным встретился, так он меня и огорошил – сдать дела мехгруппы заместителю и явиться на станцию Хорощ в штаб 6-го мехкорпуса.

– Правильно, теперь ты в мехкорпусе служишь, а я, как ты уже, наверное, знаешь, его командир. Комкор я теперь, Игорь, а не комбриг. А ты не заместитель комбрига, а командир четвёртой танковой дивизии. Хотя первоначально, после повышения в звании, Болдин подписал приказ о назначении тебя заместителем комкора, но в связи с тяжелейшей обстановкой и, по-видимому, гибели комдива-4, ты назначен на его должность.

– Да... я всё ещё отхожу от этой новости. Пителин как ушат холодной воды вылил на мою голову, когда зачитал приказ, подписанный Сталиным, об этом назначении. Как выбрался из купе Пителина, так уже третью папиросу курю.

– Ну, значит, накурился и можно тебя обратно к деду вести. Наступление завтра, и нужно много вопросов решить с комдивом-4.

– Как завтра? А когда же я буду дивизию принимать и с людьми знакомиться?

– Сегодня будешь, а завтра в бой! Судьба у нас такая, товарищ полковник, – есть приказ и нужно его выполнять! А что касается с людьми знакомиться, то ты и так со многими водку пил. Что ты думаешь, я не в курсе, чем ты занимался, когда ездил в четвёртую танковую с Ивановым налаживать там производство его воздушных фильтров?

– Так, товарищ комб... извините, комкор, нужно было налаживать с ними отношения. Всё руководство, да и штабисты четвёртой, на нас как звери смотрели, после того как в бригаду приказом Павлова передали десять танков КВ.

– Вот, а теперь ты вернёшь им эти танки! Моим приказом мехгруппа вливается в 4-ю танковую дивизию. Кому ты передал командование мехгруппой?

– Капитану Лысенко! Кстати, исключительной отваги человек!

– Хороший командир! И он уже не капитан, а майор. Нужно внимательнее документы читать – внеочередное звание ему присвоено тем же приказом, что и тебе. Своим приказом я назначаю его командиром полка тебе в дивизию. В дивизии есть один полк, где командир недавно погиб, а врио командира полка ни рыба ни мясо. Вот в этот полк я и назначаю Лысенко. Твою бывшую мехгруппу в полном составе вливаю в этот полк. Этот полк будет у тебя ударным и поэтому должен быть самым сильным. Сколько в мехгруппе осталось танков, броневых автомобилей и личного состава мотострелков?

– Потери мехгруппа понесла значительные, мы два раза попадали в немецкие засады, и если бы не КВ, то потерь было бы гораздо больше. Да что там, легли бы все у второй, самой мощной засады. Восточнее Гайновки немцы против нас целый укрепрайон создали. Наверное, со всего 43-го пехотного корпуса артиллерию больших калибров туда нагнали. Вот там мы и понесли самые большие потери. Даже КВ не выдерживал попадания 120-мм снаряда, да и 88-мм зениток там была масса. Пять танков КВ, два Т-34 и почти все лёгкие танки мы там потеряли. А всего в мехгруппе сейчас шесть танков КВ, два Т-34 и два Т-26, кроме этого, два пушечных броневых автомобиля БТ-10 и три БТ-20. Имеются также четыре 120-мм миномёта, три автоматические зенитные пушки на шасси Ярославского автозавода и четыре четверённых зенитных пулемёта «Максим», на шасси ЗИС-3. Из тяжёлого вооружения имеются также трофеи – это три бронетранспортёра «Ханомег». Кстати, удобные и полезные боевые машины. У немцев также добыли пять мотоциклов БМВ с люльками, на которых установлены пулемёты МГ. Незаменимая вещь для разведки и неожиданного нападения на вражеские колонны. Фашисты не пугаются появления этих мотоциклов, а когда следом показываются наши танки, то уже поздно пить боржоми. Мы таким макаром и «ханомеги» захватили. На мотоциклах въехали в немецкую колонну, по лимонке кинули в броневые отсеки, а по грузовикам открыли пулемётный огонь. Водители бронетранспортёров попытались дёрнуться, но тут выползли КВ, и им пришлось сдаться.

– Что ты мне всё про трофеи, понял я уже – геройские вы ребята! Ты мне про личный состав мотострелков скажи – сколько бойцов осталось?

– Мало осталось, рота не наберётся – девяносто два человека. Из них всего один средний командир – лейтенант Воропаев, он же командир этой роты. Командиры взводов сержанты. Всего в мехгруппе личного состава осталось 327 человек, это вместе с танкистами, артиллеристами, водителями, механиками, оружейниками, военфельдшером и поварами. Больше пятидесяти процентов людей потеряла мехгруппа за этот рейд. Хорошо хоть раненых смогли вывезти на трофейных грузовиках.

– А сколько этих грузовиков?

– Двадцать семь. Кстати, из них пять повышенной проходимости «Хеншель-33» – хорошие машины, по стерне двигаются, как по асфальту.

– Знаю, сам на такой сейчас разезжаю. Этот трёхосник лучше любого командирского броневика, по проходимости только танку уступает. Ты вот что, Игорь, двадцать пять грузовиков вместе с водителями передашь в распоряжение службы тыла подполковнику Бедину. Задыхаются наши тыловики без транспорта. Уже дошло до маразма, снаряды больших калибров возят на телегах.

– Как отдать грузовики? Пителин мне сказал, что наступление будет на саму Варшаву! А до неё почти сто километров, значит, нужно везти с собой кучу боеприпасов и прочих необходимых вещей. Складов-то там нет, где мы будем брать патроны, снаряды и горючее?

– Кто тебе сказал, что там нет складов? А вермахт откуда снабжается? Вот и мы будем пользоваться их имуществом. Только нужно быть порасторопнее, чем немецкие сапёры – не

давать им возможности взрывать склады. Грузовики нужны сейчас, чтобы подвезти необходимые боеприпасы для наступления, а затем для перевозки тыловых служб. Вот без госпиталя или, допустим, без банно-прачечного отряда под Варшавой не обойтись. А складов с имуществом немецкой армии в том районе море. А под их боеприпасы мы и оружие трофейное наберём. Вот, например, пулемёты МГ мне нравятся больше наших, да и 50-мм противотанковые пушки лучше «сорокапятки». Да что там говорить, много типов вооружений, которые превосходят советские. Да и автомобилями твоя дивизия ещё разживётся, а вот госпиталью их взять неоткуда. Всё, полковник, разговор на эту тему окончен, сегодня же передашь автотранспорт представителю Бедина.

– Понятно, выполним! Сейчас зайду в службу тыла, возьму их представителя и на своём броневике отвезу в мехгруппу. Там передам автомобили, отдам приказы в связи с присоединением мехгруппы к 4-й танковой и направлюсь в штаб дивизии, принимать дела.

– Добре! Там с Лысенко покумекай, чем можно ещё усилить его танковый полк. Он будет остриём вашей атаки. Действовать должен так же, как и мехгруппа во время рейда – не обращать внимания на фланги и тылы, а только вперёд, к Варшаве. Фланги будут обеспечивать два других полка, ну а в тылу буду я со штабом корпуса и бронепоездом.

Я хмыкнул и пошутил:

– Лысенко мужик фартовый, не зря же Гудериана в плен взял, а под Варшавой штаб группы армий «Центр» дислоцирован, так что, если повезёт, его ребята самому Браухичу могут фингал поставить, такой же, как и командующему второй танковой группы вермахта. А если ещё больше повезёт, то Гельдеру, начальнику Генерального штаба сухопутных сил Германии, он часто бывает в штабе группы армий «Центр». Если его красноармейцы это сделают, то передай Лысенко, что генерал никогда больше не покусится на полковые трофеи. Пусть они хоть личный лимузин Гитлера захватят, я в него влезу только по приглашению майора.

– Вы что, серьёзно намерены захватить штаб группы армий «Центр»?

Я опять хмыкнул и сказал:

– А чем плоха эта задача? Немецкие генералы серьёзно помыслить о такой наглости даже не могут, а красноармейцы Лысенко тут как тут. А если серьёзно, то, конечно, немцы не дадут нам захватить их штаб, но нарушить системы наземных коммуникаций и снабжение передовых дивизий центра это мы можем. Только готовься, Игорь, как только мы потрясём гитлеровцев за вымя у Варшавы, немцы навалятся на наши две дивизии в полную силу. Все силы бросят, чтобы нас уничтожить. И отступить мы не сможем – везде будут фашисты. Помочь нам тоже никто не сможет – наши сильно далеко. Так что по большому счёту это наступление можно назвать атакой обречённых. В этой ситуации даёт надежду только опыт прошлых батальонов, где принимали участие русские солдаты. Вон Пителин рассказывал, как в Первую мировую воевали русские солдаты. Какие герои были. Ты слышал про атаку мертвецов?

– Нет.

– О-о-о... это героический эпизод обороны крепости Осовец русской армией. Тогда у защитников этой крепости положение было похуже, чем у нас. Конечно, не в том, что они были окружены, и германцев было в десятки раз больше, а в том, что немцы тогда применили химическое оружие. Сам понимаешь, что в те времена это была новинка, и у защитников Осовца противогазов не было. Так вот, немцы применили это самое химическое оружие и в полной уверенности, что никого живого в крепости уже не осталось, после бомбардировки новейшими снарядами с химической начинкой, колоннами двинулись занимать Осовец. Но неожиданно из, казалось бы, поверженной крепости в штыковую атаку бросились мёртвые русские солдаты, и у немцев началась натуральная паника. Даже ветераны, побросав оружие, бросились наутёк. Слишком страшен был вид атакующих воинов. Конечно, это были никакие не мертвецы, а солдаты, подвергнувшиеся химическому отравлению, но при этом соблюдавшие дисциплину и выполнившие приказ, пусть первоначально он показался им совершенно нелепым. А приказ

был такой – намочить своей мочой запасные портянки и дышать через них. Отдал его один грамотный и решительный командир, он же в нужный момент скомандовал подняться в штыковую атаку. Пускай все в блевотине, с капающей из глаз, носа и рта кровью, но те, кто выполнил этот казалось бы дурацкий приказ, остались живыми, хотя внешне и походили на зомби. Ужас, одним словом! Но эти ребята, прошедшие семь кругов ада, сотворили для России чудо. Погнали во много раз превосходивших их тевтонов и одержали победу. Вот и я надеюсь, что мы достойны своих отцов и сможем сотворить чудо. От фашистов можно ожидать чего угодно, когда припрёт, эти звери опять могут применить химическое оружие, поэтому, полковник, проследи, чтобы твои бойцы были обеспечены противогАЗами. И не просто обеспечены по отчётам и докладам, а реально. Чтобы у них на плече висел противогАЗ, а не сумка от него, набитая в лучшем случае патронами и гранатами.

– Впечатляющий эпизод. А как фамилия этого командира?

– Знаешь, я не запомнил, как и многие детали этого рассказа. В памяти осталась только суть. Но если тебя заинтересовал этот эпизод Первой мировой войны, то ты можешь узнать про оборону крепости Осовец у Пителина. Он много что хранит в своей памяти про героические деяния русских солдат в Первую мировую войну.

– Осовец... а ведь я был в этой крепости до войны и много общался с красноармейцами и командирами, но никто об этом эпизоде мне не рассказал.

– Правильно, ведь командовал обороной царский офицер, дворянин, и политически неверно упоминать про его героизм. У нас только Пителин является кладёзем такой информации, так как сам в молодости участвовал в той войне и был офицером царской армии. За что при всём своём уме и военном таланте не поднимался длительное время выше батальонного звена. При такой голове ему Генштабом командовать надо, а он только в Финскую войну был назначен на должность начальника штаба батальона. Вот так, Игорь, что значит родиться в семье чуждых пролетарскому государству элементов. Хотя Пителин искренне предан Советскому государству, хорошо, что наши руководители теперь начали это понимать. Ладно, полковник, хоть с тобой мне приятно говорить, но нужно дело делать. Ты давай двигай в мехгруппу, решай там все дела и быстрее принимай дивизию. К вечеру к вам подъеду и пробуду на дивизионном НП до начала завтрашнего наступления.

– Понял, Юрий Филиппович, буду вас ждать в штабе дивизии!

– Давай, Игорь, до вечера!

Мы пожали друг другу руки, я направился дальше по ходу поезда, а Вихрев к хвостовым вагонам. Именно там располагались тыловые службы штаба корпуса.

До вагона, где обосновался оперативный отдел и резиденция Пителина, оставалось пройти совсем немного, как опять пришлось остановиться. И снова это была неожиданная встреча с моим боевым братом – Рябой. «Просто праздник какой-то», – думал я, крепко пожимая жилистую руку Курочкина. А потом были вопросы – масса вопросов, которые я задавал со скоростью пулемёта. Меня интересовало всё, ведь я практически ничего не знал о действиях батальона Сомова и пришедшей ему на помощь сводной команды (под названием батальон) Курочкина. Поведение бойцов и командиров этого сводного батальона интересовало меня больше всего. Всё-таки это были люди, которых я совсем не знал. Знал только то, что они, потеряв своё командование, поддавшись панике в общей неразберихе первых дней вторжения фашистов, побежали на восток. Этот факт говорил против этих людей, но то, что они не бросили личное оружие, документы и не переоделись в гражданские одежды, говорил за них. К тому же, когда отступающих, а иногда и драпающих, останавливали бойцы из заградотряда Бедина и направляли в спешно формируемое подразделение, которое скоро вступит в бой с гитлеровцами, люди прекрасно понимали это и беспрекословно подчинялись новым командирам. Получается, чувствовали свою вину за растерянность и нерешительность, проявленные в первые дни нашествия, и теперь, опомнившись, желали исправить это. То есть получается, что

ребята Бедина и Курочкина сделали большое дело – вернули запаниковавшим красноармейцам веру в себя. Они почувствовали себя снова солдатами, которые защищают родину, своих матерей и сестёр и готовы умирать за это.

Вот такой я сделал вывод из ответов Курочкина на мои вопросы о бойцах сводного батальона. Уверенность Рябы в красноармейцах, случайно попавших к нам из разгромленных немцами подразделений, весьма меня порадовала. Уж кто-кто, а Курочкин разбирался в людях, и если он говорит, что теперь оставшиеся в живых после тяжелейших боёв бойцы батальона никогда не поддадутся панике и без приказа умрут, но не отступят, то так оно и есть. Теперь можно быть уверенным за то направление, где занимают оборону эти ребята. Жалко, что их в строю осталось мало – всего триста шестьдесят два человека, из них двое средних и двадцать один младших командиров, и это из 980 человек, которых Пителин направил на помощь батальону Сомова. Но зато какие бойцы остались, как выразился Курочкин, – золотой фонд армии, я с этими ребятами любому элитному батальону СС задницу надеру.

Хвалебные слова Курочкина медом ложились на мою душу. А как же, ведь я мог получить то, о чём думал уже несколько дней и не находил возможностей для выполнения своей задумки. А всё сущность моего деда виновата. Это она постоянно зудела: нельзя наступать без всяких резервов, любая контратака немцев по флангам группировки приведёт к трагедии, нужно иметь в запасе пускай небольшое, но боеспособное моторизованное подразделение. Первоначально я планировал использовать в этом качестве 4-й мотоциклетный полк, но он был сильно потрепан, а самое главное, бойцы полковника Собакина не были обучены стоять в жёсткой обороне. Преследовать врага это да, в этом они были мастера, а вот выдержать танковую атаку это вряд ли. То есть нельзя было полагаться на стойкость в обороне этого полка. А вот ребята из сводного батальона прошли огонь и воду и хрен пустят немцев в тыл наступающим дивизиям, конечно, если их усилить танками и артиллерией и в эту же резервную группу включить моторизованный батальон капитана Рекунова. А после пополнения его уцелевшими бойцами 27-й стрелковой дивизии численность батальона практически достигла штатной.

В общем-то, я и тащил сюда моторизованный батальон для создания резервной группы, чтобы усилить им мотоциклетный полк, но сейчас в голове этот план менялся. Я уже мысленно перетасовывал колоду доступных мне подразделений, да и мелких групп, и мысленно получал довольно солидный по нынешним временам кулак. А что: триста шестьдесят два бойца Рябы, семьсот двенадцать человек в батальоне Рекунова, взвод тяжёлых танков лейтенанта Быкова (три КВ), «ханумаги» лейтенанта Костина (в наличии было семь бронетранспортёров, два подбили во время преследования разбитых частей 7-й танковой дивизии немцев), к этим прекрасным боевым машинам были прицеплены три трофейные 50-мм противотанковые пушки (боеприпасы и расчёты этих орудий перевозились в бронеотсеках. Ещё к этим силам можно приплюсовать бойцов Лыкова, а это ещё девяносто семь человек, пусть они и лёгкораненые, но прекрасно показали себя в бою у Заблудова, когда вместе с танками лейтенанта Быкова ударили практически в тыл немцам, обложившим истекающие кровью батальоны Сомова и Курочкина. На танках и грузовиках ворвались на артиллерийские позиции фашистов и уничтожили их, а после этого на плечах удирающих гитлеровцев начали громить тылы немецкой пехотной дивизии. Этим и обеспечили её поспешное отступление и деблокировку наших батальонов. Как ни странно, после такого жаркого боя потери в группе Лыкова были не очень большие. Вот тебе и лёгкораненые – дрались получше многих подразделений, состоящих из совершенно здоровых и подготовленных бойцов.

Кроме этих проверенных боями частей, я хотел включить в резервную группу и сформированный из зенитчиков и бойцов железнодорожного полка пулемётно-артиллерийский взвод. Пусть эти ребята и не успели принять участие в деблокировке батальонов Сомова и Курочкина, но такую силу не использовать в предстоящей наступательной операции было глупо. Шутка ли, четыре автоматические 37-мм пушки, шесть пулемётов, пехотное отделение и бро-

неавтомобиль БА-20. К тому же они были полностью мобильны – передвигались на пятитонных грузовиках Ярославского автозавода. И конечно, в резервную группу нужно включить и недавно сформированный миномётный дивизион. Миномётные расчеты вроде бы натренировались обращаться с трофейной матчастью. В бою с танковой дивизией огнём миномётов ребята Костина весьма сильно сократили поголовье немецких сапёров. Трофейные 81-мм мины довольно точно падали на головы своих бывших хозяев. К тому же командир теперь у миномётчиков будет свой, опытный, не чета мальчишке Костину. Я верил в чудодейственные мази Якута, что его шаманство быстро поставит на ноги старшего лейтенанта Сытина. Конечно, восемь 81-мм миномётов маловато для полноценного дивизиона, но как говорится – лиха беда начало. Была бы кость, а мясо нарастёт. У фашистов таких миномётов много, вот и поделятся. Главное, в этот нарождающийся дивизион уже подобраны специалисты, из которых можно сформировать ещё десять миномётных расчетов. Есть и три прошедших обучение корректировщика. Кроме этого, в формируемый миномётный дивизион переданы отделение связи (с имеющимися у них тремя радиостанциями), сапёрный взвод и ещё кое-что оставшееся от разбитой немцами 27-й стрелковой дивизии.

Избежавших уничтожения или плена бойцов и командиров 27-й стрелковой дивизии вышло к нашим позициям в районе Сокулок довольно много – 372 человека. Они сохраняли некое подобие воинской части и были под единым командованием. Капитан Дробышев сумел в полном бардаке первого дня вторжения гитлеровцев организовать растерявшихся людей и даже предпринял попытку дать отпор вражескому нашествию. Больше суток бойцы из разных полков дивизии, организованные им, не давали немцам возможности занять Августов. Но силы гитлеровцев, осадивших Августов, были несоизмеримы с остатками дивизии, и их выдавили из города. А дальше были упорные отсечные бои и отступление. К нашим позициям они вышли по простой причине – звуки канонады привлекали настоящих бойцов, которые не желали жить в немецком раю. О сытой и прекрасной жизни в фашистской Германии в миллионных тиражах листовок твердила вражеская пропаганда.

Выход к нашим позициям остатков 27-й дивизии был не единичным эпизодом. Периодически от постов боевого охранения поступали доклады о появлении на их позициях групп советских военнослужащих. Все вопросы по проверке и включению новых бойцов в наши ряды я спихнул на Фролова. Именно он координировал работу особистов и политруков, проверяющих вышедших к нашим позициям людей. Да что там координировал – он сам лично беседовал с командирами вышедших групп, и только после его общения в дело вступали особисты. И то это было всего в двух случаях, а так, после беседы Фролова с командиром вышедшей группы, она без всяких проверок направлялась на сборный пункт, где уже строевые командиры распределяли бойцов по подразделениям.

Только в двух случаях потребовалось моё вмешательство, это когда вышли люди 27-й стрелковой дивизии и остатки одной из пограничных застав. В первом случае по причине большого количества военнослужащих, к тому же прошедших через жестокие бои, а во втором случае потому что вышли пограничники. Я сам сказал Фролову:

– Если появится организованная группа пограничников, то сразу направляй её командира ко мне.

Нужны мне были люди, прошедшие подготовку в пограничных войсках. Это же готовые разведчики или диверсанты.

А вот по людям из 27-й дивизии мне всё равно пришлось обращаться к Фролову. Ну не знал я, куда определить несколько человек из этого отряда. После беседы с капитаном Дробышевым и возникли сомнения о пользе таких специалистов в мотострелковом батальоне, в который я хотел определить большинство из вышедших бойцов 27-й дивизии. С одной стороны, эти несколько человек хорошо себя показали в критических ситуациях и вполне могли успешно драться с фашистами, а с другой, они имели редкую специальность, творческую, можно сказать

– были военными музыкантами, служили в полковом оркестре 27-й дивизии. Эти сомнения я и изложил своему комиссару. Фролов сразу же ухватился за этих семерых музыкантов, вышедших с отрядом Дробышева. Оказывается, во время воздушного налёта, когда погиб Хацкилевич, сильно пострадали и автомобили, на которых передвигался оркестр корпуса. Многие музыканты погибли, и оркестр практически перестал существовать. А появление там новых музыкантов по существу возродит оркестр корпуса. «Ну что же, – подумал я, – под “Прощание славянки”, исполняемое военным оркестром, неплохо будет промаршировать по центральному проспекту Варшавы. Гитлер дерьмом своим подавится, ну, по крайней мере, головы многих немецких генералов полетят точно». После этой мысли я с лёгким сердцем сократил предполагаемую численность мотострелкового батальона Рекунова.

Все эти мысли пронеслись в голове, пока я слушал доклад Курочкина о действиях его сводного батальона в последние трое суток. Да, именно в такой небольшой срок умещалась вся история этого подразделения под руководством сначала лейтенанта, а теперь уже капитана Курочкина. Но судьба этого подразделения, думаю, будет счастливая. Не хотел я его расформировывать. Хорошо он себя показал, и бойцы там подобрались достойные. Пополнить батальон людьми, техникой, тяжёлым вооружением, и может получиться подразделение в высшей степени боеспособное. А пополнение, техника и кое-какое тяжёлое вооружение прибыло со мной. Двести восемьдесят бойцов и командиров, вышедшие на наши позиции у Сокулок, это было немало. И все они были уже обстрелянные люди и, можно сказать, добровольцы. Могли бы разбежаться, как тараканы, но они, зачастую без всяких командиров, шли на звуки оружейных залпов, чтобы влиться в сражающуюся с немцами часть. А техника была трофейная, которую мы добыли, разогнав тыловиков 7-й танковой дивизии немцев. Тридцать восемь грузовиков я планировал передать в бывший батальон Рябы. И пятнадцать из них везли вооружение и боеприпасы.

Командиром батальона, которым раньше командовал Курочкин, я хотел назначить капитана Дробышева. Сначала была мысль определить на эту должность лейтенанта Костина, а Дробышева использовать как командира всего резервного полка. Костин командир, конечно, хороший, но слишком импульсивен и горяч, а Дробышев всё-таки опытный командир и достойно себя повёл в первые дни войны. Когда не было начальства, приказов и прочих атрибутов государственной машины, он по зову своего сердца встал и выполнял свой долг, как мог. А смог он неплохо – нанёс урон фашистам и вывел людей в наше расположение. Хороший командир, ему можно доверить командование даже крупным подразделением. Так бы я и сделал, но в последнем сеансе связи Пителин меня обрадовал, сказав, что ранение Сомова не очень серьёзное и он вполне может исполнять обязанности заместителя командира 29-й моторизованной дивизии. Именно на эту должность мы с Пителиным и планировали назначить теперь уже подполковника Сомова.

Когда я узнал эту в высшей степени приятную информацию, мысль назначить капитана Дробышева командиром резервного моторизованного полка сразу же испарилась. Только Валерка Сомов может быть командиром моего резерва. Ему я доверял безмерно, знал, что старый друг никогда не подведёт. А должность заместителя командира дивизии никуда от Валерки не уйдёт, да, в общем-то, не его это стезя быть заместителем. По натуре он командир, а не заместитель. Командиром дивизии его назначать? Но вроде бы Бикжанов на своём месте – грамотный комдив. Такими людьми разбрасываться нельзя. И ставить на его место своего протеже глупо, особенно перед решающим наступлением. А вот доверить Сомову быть командиром резервной группы умный шаг. Жалко, бронетехники маловато будет в этой группе, но вытаскивать танки из бывшего сомовского механизированного батальона нельзя. Лейтенант Симонов, принявший от Сомова командование батальоном, останется совсем голым, и ему нечем будет удерживать позиции на опорных пунктах вдоль реки Нарев. Конечно, после нашего удара немцы вряд ли полезут вглубь Белостокского выступа, но кто знает этих фашистских страте-

гов. Вдруг от растерянности забудут отменить задачи 7-му пехотному корпусу немцев, и те, пользуясь слабостью наших сил, собьют заслоны и выйдут к Белостоку и Волковыску. Хотя, конечно, мы и так в котле, но неприятно присутствие гитлеровцев на единственной дороге, ведущей к нашей основной базе снабжения в Волковыске – хозяйству интенданта первого ранга Гаврилова. Нет, на это пойти нельзя. Ладно, обойдётся резервная группа тремя КВ и четырьмя Т-26, имеющимися у батальона Рекунова. Ведь, кроме танков, в этом нарождающемся моторизованном полку было шесть пушечных броневых автомобилей БА-10, пять лёгких броневиков БА-20 и семь бронетранспортёров «Ханомаг». А трофейными пушками можно было оснастить целый артдивизион. Шутка ли, десять 50-мм новейших противотанковых пушек и четыре 88-мм зенитных орудия. И все эти пушки были укомплектованы расчётами и буксировались автотранспортом.

Ей-богу, получающееся подразделение было оснащено не хуже, чем самые сильные немецкие полки, а по качеству бойцов, пожалуй, лучше, чем солдаты первого эшелона у фашистов. Обстрелянные, это раз, мотивированные на победу, это два, и более инициативные и изобретательные, это три – голь, как говорится, на выдумки хитра. И что немаловажно, люди уже хлебнули лиха, и это их не сломало, а сделало только сильнее.

Все отвлечённые размышления о создании резервной группы, которые вела сущность, в которой окопался мой дед, сбились, когда Курочкин закончил своё повествование о действиях батальона. Он перешёл к проблемам, с которыми столкнулся на посту начальника разведотдела корпуса. Пришлось мне сконцентрироваться, вопрос был действительно важным, и уже не получалось одной сущности вести беседу, а второй размышлять о стратегии и тактике дальнейших действий.

Глава 6

Главная проблема, которую выявил Ряба, была как обычно кадровая. Моего старого и опытного соратника не устраивали командиры, да и сама структура разведки корпуса. Курочкин не так представлял себе организацию разведки. В общем-то, идеалистически и упрощённо, но в нашей ситуации это было, пожалуй, единственно верный метод. Нельзя было сейчас действовать строго по инструкциям. Нечего накручивать какие-то лишние структуры и фильтры. Всё должно быть просто, разведгруппа – командир и без всяких там лишних надстроек и аналитиков, которые думают, соответствуют ли добытые данные сведениям, полученным из других источников. Нечего мудрить, предыдущий начальник разведотдела корпуса Бейлис уже намудрил – несколько дней всеми силами корпусной разведки выискивал мифическую танковую дивизию немцев, прорвавшуюся в тылы 10-й армии. Не устраивала Рябу квалификация разведчиков и в низовых структурах. Как он сказал:

– Салаги там, теоретики, мля! В Финскую все бы полегли со своими представлениями о противнике. Любой грамотный егерь неделю бы водил таких специалистов по лесам, а потом ночью вырезал бы их нахрен. Нет, Юрий Филиппович, нужно новых ребят искать, а этих пересчитывать слишком много времени требуется.

– Новых, говоришь? Хорошо, Ряба, дам я тебе новых ребят, но данные о противнике мне нужны сегодня ночью, в крайнем случае завтра рано утром. Не говорю про подробную схему вражеских позиций, но по крайней мере хорошего «языка» разведка добыть обязана. Завтра, в 8-00, когда немец завтракает, мы начинаем нашу операцию.

– Знаю я, что наступление начинается завтра. Пителин нам с Сомовым больше часа цэу давал. А мне всю печёнку выел с требованием дать ему информацию о противнике. Пообещал я Борису Михайловичу, что лично в поиск пойду и хорошего немца приволоку. А огневые точки немцев уже все зафиксированы – это артиллерийские разведчики и корректировщики из приданных гаубичных артполков РГК постарались. Только они жалуются, что у них боезапас ограничен – не смогут гаубицы весь передний край немцев перепакать.

– Ну и не нужно, у нас же не тотальное наступление. Задача-то у гаубичных артполков ограничена – подавить огневые точки на направлениях главного удара. А остальное дело танки сделают. Когда бронетехника углубится в тыл немцев, те сами свои огневые точки ликвидируют, а может быть, вообще – тяжёлое вооружение побросают и побегут, как бобики. Вот для ускорения этого момента твои разведчики, совместно с мотоциклетным полком, должны поработать. Шуму, стрельбы побольше со всех сторон, чтобы фашисты ощущали, что их окружают. У страха глаза велики, вот и подумают, что русские уже у них в тылу. Воспользуемся гитлеровским опытом нападения на нашу страну. Качество немецких солдат, занимающих позиции перед нами, этому способствует. Это тебе не дивизии первого эшелона, а всего лишь солдаты заштатного 42-го пехотного корпуса немцев. Уже скоро почти неделя войны, а они Осовец не могут взять, да и вообще основные их силы увязли в укрепрайоне. Всё никак не могут выйти на оперативный простор, дешёвки. Вот мы им и поможем выйти на этот простор. На западе этого простора много, и они могут двигаться туда свободно, мы им даже своими пенделями будем помогать ускориться. Ладно, Ряба, что я тебе, опытному бойцу, это говорю, сам понимаешь, что эта бравада рассчитана на салаг, а на самом деле враг очень серьёзный и может нам так врезать, что кровью умоемся. Поэтому многое будет зависеть от достоверных разведывательных данных. У нас очень мало сил и нужно грамотно ими распорядиться. Бить мы будем, считай, в стык 42-го и 7-го корпусов, поэтому есть надежда на несогласованные действия командиров этих соединений. А неожиданные, шумные и стремительные наскоки разведчиков и бойцов, передвигающихся на мотоциклах, внесут ещё большую неразбериху и сумятицу в ряды немецкой армии.

– Так мне действовать, как мы тренировались ещё до войны, когда я был командиром разведывательно-диверсионной роты?

– Вот именно, капитан, так и нужно будет действовать! Только тогда основной задачей было сдерживать наступающих фашистов путём засад, взрывов мостов, обстрелов из-за угла в целях вынудить их приостановиться и развернуть боевые порядки, а сейчас всё наоборот. Мы теперь наступаем, и нужно, чтобы у гитлеровцев пошло всё наперекосяк. Образно говоря, требуется стать тучей комаров, от которой будет отмахиваться немецкий гигант и не знать, в какое место его в этот раз укусит надоедливое насекомое.

– Всё понятно, и я готов стать таким раздражителем для немцев, но настоящих бойцов катастрофически не хватает. Из всей службы разведки корпуса для подобных дел можно подобрать человек семь, не больше. В бригаде-то у меня была целая рота бойцов, которых я тренировал два месяца. А сейчас всего пару групп можно создать, да и то с учётом пятерых человек, которых взял с собой из сводного батальона.

– Я же тебе сказал, капитан, что людей дам – рота не рота, но пятьдесят семь человек ожидают тебя на станции. Ребята боевые и опытные – все пограничники, а ты знаешь, как там готовили бойцов. А тебя ожидают самые лучшие, считай сливки погранцов, которые стояли на границе Белостокской области. А лучшие они, потому что остались живы после вторжения фашистов и жесточайшей драки на границе с передовыми немецкими частями. Сам понимаешь, что атакованы они были неожиданно, превосходящими силами самых опытных немецких частей. И, несмотря на такой проигрышный расклад, смогли выжить и с боями добраться до нас. Среди добравшихся пограничников много средних и младших командиров – восемнадцать человек. А понимающему человеку это тоже говорит о многом – в бою выжили самые подготовленные и грамотные солдаты.

– Пограничники это хорошо! У меня в батальоне они были одними из лучших бойцов. И удачливые черти – как чувствуют, куда упадёт очередная немецкая мина, и укрывались в нужном месте, чтобы не достали её осколки. Пятеро ребят, которых я взял с собой, тоже пограничники – следопыты, надо сказать, не хуже Якута.

– Видишь, каких я тебе бойцов привёз! От ударных подразделений отрываю таких ребят – всё для разведки! А всё почему? Да от ваших действий будет многое зависеть в предстоящей операции. Ты там обрати внимание на лейтенанта Бовина – у него просто талант разведчика. Представляешь, дал нам полную картину немецких противотанковых средств, стянутых под Домброва, и это спасло жизни сотен красноармейцев. У нас задача была перерезать железную дорогу, ведущую в Сувалки, а единственная шоссейная дорога, по которой можно добраться до тех мест, проходит через Домброва. Если бы Бовин не сообщил, какую технику немцы стянули под этот город, мы бы точно попытались добраться до польской границы по шоссейной дороге, проходящей через этот город. Накостыляли бы нам там крепко – ещё бы такими силами, да ещё к тому же с заранее подготовленных позиций. Только касаясь тяжёлой техники лейтенант засёк передвижение к Домброва десяти «Панцерягер-1» и колонну самоходок, которые раздолбили бы даже КВ – шесть САУ на базе R-35. И все эти данные Бовин собрал без всякого приказа – натура у мужика такая. После того как он с двумя бойцами прорвался через порядки немцев, обложивших заставу, не бросился в тыл, а целые сутки фиксировал, какие силы неприятеля передвигаются по шоссе Августов – Домброва, и всё скрупулезно записывал, чтобы довести эти сведения до командования. Железные нервы и немалую смелость надо иметь, чтобы в такой обстановке выполнять свой долг.

– Лейтенант Бовин, вы говорите?

– Да, но может быть, и другие пограничники такие же! Я сталкивался только с лейтенантом, с остальными просто познакомился на общем построении и объявил, что теперь они проходят службу в разведке шестого мехкорпуса.

Тут я слукавил: во-первых, что больше ни с кем из пограничников лично не общался, а во-вторых, что передаю в разведку всех вышедших стражей границы. А зачем ему знать, что я не всех пограничников передал в его распоряжение. У меня же есть ещё служба, которая очень нуждается в проникательных людях. Куда нам без контрразведки, без специалистов, способных выявлять вражескую агентуру, да и просто добровольных помощников фашистов. Судя по перипетиям начала войны, немцы явно нас в этом вопросе переиграли. Иногда складывалось впечатление, что в больших штабах агент агента погоняет. Не могут же из умных голов появляться такие идиотические команды, как поиск немецкой танковой дивизии, прорвавшейся в тылы 10-й армии, или запрет открывать огонь по заходящим на бомбёжку немецким самолётам. Конечно, может быть, в штабе 10-й армии народ находится в глубоком запое, но тогда немцы просто обязаны на парашютах сбрасывать возле штаба 10-й армии по несколько ящиков лучшего шнапса.

В моём корпусе наверняка тоже имеется немецкая агентура – не могли гитлеровцы оставить без внимания самый мощный корпус РККА. А надеяться, что существующие структуры особых отделов смогут выявить шпионов, не приходится. До войны в спокойной обстановке не выявили, то сейчас, когда многие особисты погибли, службы НКВД куда-то испарились, архивы недоступны, найти засланных врагов традиционными методами невозможно. Только интуитивно можно хоть как-то бороться с этой бедой. А кто в такой обстановке может вычислить человека, сотрудничающего с немцами – конечно, люди, которые раньше работали по пресечению контрабанды. Чтобы раскрутить хитроумные схемы контрабанды, тоже многое строилось на интуиции. Вот таких четверых специалистов я и нашёл среди присоединившихся к нам пограничников. Естественно, я свёл их в отдельную группу, включив в неё двух сержантов, специалистов по силовым задержаниям, и одного мастера по радиоперехвату (это утверждали четверо сослуживцев, те, с кем он вышел из окружения). Сформированная группа предназначалась для теперь уже капитана Лыкова.

Да, вот именно, случилось невероятное. По НКВД вышел приказ – перевести бывших служащих Гушосдора в армейское подчинение. А приказом, подписанным Жуковым, этим людям были присвоены воинские звания, и они были назначены на должности по представлению Пителина. В частности, Бедин теперь стал подполковником и начальником службы тыла 6-го мехкорпуса, а Лыков получил по шпале в петлицы и должность начальника особого отдела корпуса. По бумагам штатная численность в его отделе была вполне нормальная, а фактически в управлении корпусом имелось только три особиста. С убитыми или тяжело ранеными всё было понятно, но, кроме этих безвозвратных потерь, существовала ещё одна убыль – командиры, носители немалых секретов, непонятным образом куда-то исчезли. Примерно так же, как куда-то исчез командир 4-й танковой дивизии генерал Потатурчев. Я допускал, что эти люди могли попасть в плен, и вполне вероятно, все наши коды и другие секреты известны фашистам. Именно поэтому, в нарушение всех инструкций, для переговоров по радиации ввел свои собственные кодовые слова и пароли.

Может быть, поэтому действия 6-го мехкорпуса стали совершенно неожиданными для генералов вермахта. Спонтанность, непроработанность планов в штабных документах, что напрочь отрицалось военной наукой, в конечном счёте и стало нашей палочкой-выручалочкой. Даже такой зубр штабной работы, как Пителин, кажется, это понял и уже так не ворчал, выслушивая мои очередные прожекты. Кряхтя, брался за дело и прилежно доводил их до ума, чтобы иногда совершенно дикие для современного командира приказы можно было исполнить методами, к которым привыкли люди. Вот так и притирались методы ведения войны, которые я получил в той реальности, обучаясь в эскадроне, и современная академическая школа военных наук. Академия столько не дала, сколько знаний и опыта я получил от Пителина, в частности шифровать секретные данные разработанными моим начальником штаба кодовыми словами. Как знал старик, что враг обложит нас по полной программе, и нужно будет секретничать

даже среди своих сослуживцев. Его паранойя нашла благодатную почву в моём лице, поэтому я с такой настойчивостью продвигал Лыкова на должность начальника особого отдела, который избавит меня от ощущения, что рядом враг, ждущий малейшей утечки секретных сведений. Верил я, что если Лыкову дать в команду грамотных ребят, обладающих интуитивным чувством распознавать врагов, то наконец-то управление корпуса заработает в полную силу, и тогда мы покажем фашистам, почём фунт лиха. Теперь какая-никакая команда имеется, и бывшему сержанту госбезопасности есть на кого опереться.

Так я думал, слушая монолог капитана Курочкина о том, как он планирует использовать прибывших пограничников. Когда Ряба начал сокрушаться об отсутствии вездеходов, чтобы прорываться в тыл немцев и быть там высоко мобильными, я нарушил его монолог, заявив:

– А кто тебе сказал, что вездеходов не будет? Что думаешь, я сюда пограничников пешим маршем заставил добираться? Нет, твои новые подчиненные до Хороща доехали с шиком, на пяти трёхосных вездеходных автомобилях «Хеншель-33» и пяти мотоциклах БМВ с колясками и пулемётами. В кузовах «хеншелей» к тому же по пулемёту МГ и 81-мм миномёту припасено. Добавишь своих людей, и пять летучих боевых групп у тебя готово.

– «Хеншель», а что это за вездеход, не знаю такого?

– Отличная машина, сам на «хеншеле» сейчас передвигаюсь! Воздушные налёты теперь в лесу под защитой деревьев переживаю. Только заметим приближение вражеских самолётов, Лисицын по любому бездорожью в лес успевает добраться.

– А что, не Шерхан сейчас у вас водитель?

– Хм... я же стал генералом, и Шерхан теперь у меня старший водитель! Набирается сил в кузове, с Якутом и ещё тремя гавриками.

– Да... Шерхан в своём репертуаре! Товарищ генерал, может быть, вы этого хитрого татарина понизите в просто водители, а мне переведёте Лисицына. Парень очень сообразительный и инициативный, в разведке такие во как нужны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.